

к7н.96:81
А65
к-36586

ЧЁЛХЕ ТЁПЧЕВЏИ

УРХИ

НАУМЁ

Кр
К 72.96:8
Ас
Чăваш патшалăх гуманитари аслăлăхĕсен институтĕ

УРХИ НАУМЁ

Чăваш чĕлхеси
Наум Андреевич Андреев
110 çул тултарнă май

Шупашкар
2002

УДК 811.512.111
ББК 81.2 Чув
У—73

Пичете хатёрлекенё	А.П.Хузангай
Редактор-составитель	
Редакци йышё	А.А.Трофимов
Редакционная коллегия	А.П.Хузангай
	А.А.Сосаева

НАУМ АНДРЕЕВИЧ АНДРЕЕВ — УРХИ НАУМЁ. К 110-летию со дня рождения. Сборник статей. Чебоксары: ЧГИГН, 2002. — 88 с.

Сборник посвящен 110-летию со дня рождения известного чувашского языковеда Н.А.Андреева — Наума Урхи (1891—1984). Материалы содержат автобиографические сведения, воспоминания дочери, статьи, раскрывающие вклад ученого в грамматику, историческую лексикологию, ономастику и стилистику чувашского языка. Помимо избранной библиографии его научных и иных публикаций, статей о нем, в сборник включено также описание его наследия, хранящегося в Научном архиве ЧГИГН.

На титульном листе: Согдийская монета Уструшаны (VI—начало VII вв). Место хранения: Институт истории им. А.Дониша АН Республики Таджикистан.

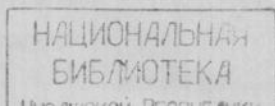
ISBN 5—87677—046—9

Проверенно 28.04.2007

© А.П.Хузангай, составление

K-36586

© Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2002.

УРХИ – УРАК

«Поиски происхождения слов *Келе* и *Урхи* привели нас далеко на запад в пределы Древнего Востока к хеттам и хурритам, а также к урартам. Здесь-то выявилась их связь со многими языками древнего мира (...)

Труды (1975). Вып. 59. С. 109.

В числе чувашских личных имен встречаются сходные с именами государственных деятелей Древнего Востока:

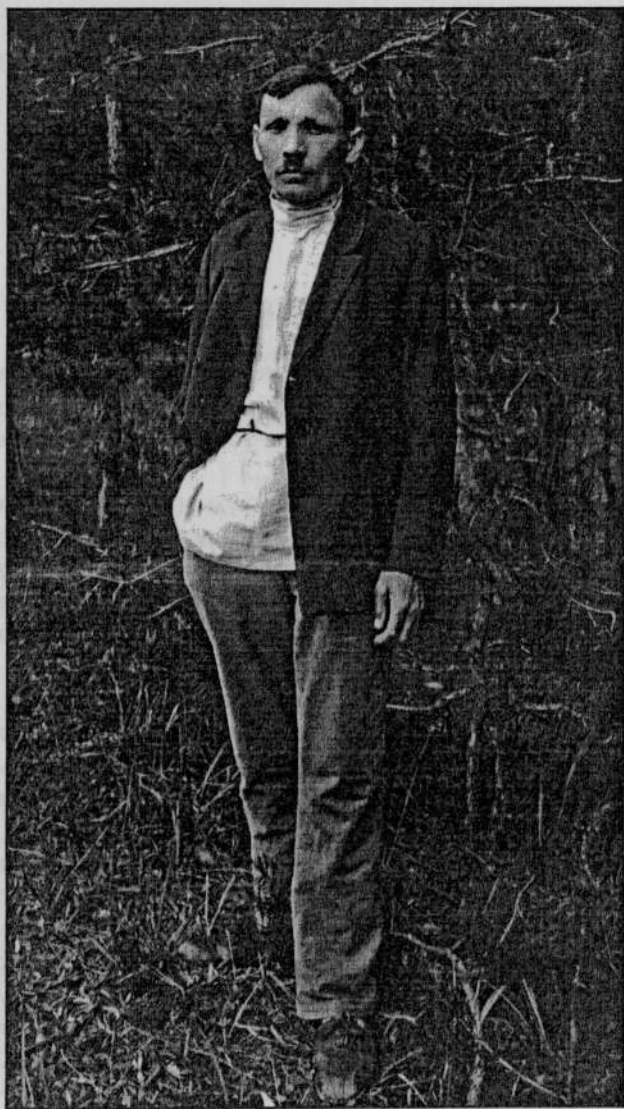
Урхи, *Орхи* // *Урхи-Тешуб* — имя царя Хеттского царства в конце XIII в. до н.э. — перс. *урфи* «традиционный, обычный» (...)

Труды (1980). Вып. 98. С. 43.

Среди политических и религиозных руководителей чувашей были представители согдийских родов *Урак*, *Абруй*. Можно даже предполагать, что род *Урака* в известное время возглавлял чувашский народ. Археологами в Средней Азии найдена согдийская монета с надписью на согдийском языке: «*Урак* — верховный царь, маг». Как известно, зороастрийские жрецы назывались магами, и царь, обыкновенно, являлся верховным жрецом. Примечательно то, что в Булгарском царстве в 922 году, по сообщению Ибн Фадлана, при введении ислама среди населения государства противником оказались чувашши, руководимые своим царем по имени *Урак* (по А.П.Ковалевскому, *суваз* и *Выр'аг*)(...) Чувашские слова *Урака* — и.м., *Урук* — и.м. и фам., *Урак-касси*, *Юрак-касси* — топонимы. Эта связь согдийского имени *Урак* с чувашским имеет весьма важное значение для нашей истории контактов».

Труды (1975). Вып. 59. С. 95.

Из трудов Н.А.Андреева (*Урхи*), опубликованных в изданиях НИИ ЯЛИЭ Чувашской АССР.

Наум Андреевич Андреев (Урхи)
1891, раштав, 4 — 1984, авӑн, 1

О СЕБЕ*

Я родился в бедной крестьянской семье в 1891 году в дер. Ефремкасах, Асакасинской волости Ядринского уезда Казанской губернии. Отец ввиду малоземелья занимался плотничеством. Когда мне исполнилось 3 года, весной умерла мать, а летом старшая сестра, и мы, малолетние (я — 3 лет, младшая сестра — 6 лет, брат — 9 лет, средняя сестра — 12 лет), остались сиротами. Ухаживала и вырастила меня до 8 лет средняя сестра, после чего она вышла замуж. Когда я подрос и стал в состоянии работать, в целях заработка летом временами нанимался в подпаски к пастухам Павлу Лисину или к Ахванасу, которые пасли стадо в нашей деревне, ходил работать к садоводам, жать хлеб и т.д. По этой причине и за отсутствием одежды я поступил в школу только 12 лет. Окончил Аликовское двухклассное училище Министерства народного просвещения в 1909 г. 18-ти лет (...) после окончания двухклассного училища поступил в столярную мастерскую при Симбирской чувашской учительской школе, работал в канцелярии школы, в 1913 году сдал экзамен на звание учителя начальных училищ при Симбирской I гимназии. С 1914 года по март 1918 года был на военной службе и участвовал в первой империалистической войне в качестве рядового.

[Извлечения из автобиографии от 8 октября 1955 г. и 13 декабря 1945 г.]

Мне 5 декабря текущего года исполнится 70 лет. Это такой период в жизни человека, который невольно заставляет

* Название раздела дано нами. — *Рег.*

его вспоминать свою прошлую жизнь и подводить своего рода итог прожитой жизни и проделанной работе. Возникает вопрос к самому себе: что ты сделал полезного для того общества, членом которого ты являешься?

Окончив двухклассное училище (в 1909 г.), я по возрасту и бедности не мог поступить в учебное заведение для продолжения образования. Когда стал сознательным, поставил себе цель — быть полезным обществу. Чувствуя недостаточность для этого своего образования, я решил продолжить его путем самообразования, сдать экзамен на звание учителя экстерном и посвятить себя делу народного просвещения. (...) С 1918 года по 1956 год я в основном трудился в области печати в качестве журналиста, корректора, переводчика, редактора, в области науки — научным сотрудником.

В работу в области печати я включился в 1917 году еще будучи солдатом в армии, поместив несколько статей в газету «Хыпар». По демобилизации в марте 1918 г. участвовал в организации потребительского общества в своей деревне и работал в нем членом правления и счетоводом до декабря 1918 г. После слияния нашего потребительского общества с волостным потребительским обществом поступил в Чувашский отдел Казанского губернского совета ответственным переводчиком. Одновременно работал секретарем сельскохозяйственного журнала «Сёр ёслеке» («Земледелец») и учился в Казанском народном сельскохозяйственном техникуме.

В 1920 году, после организации Чувашской автономной области, я мобилизован на работу в г. Чебоксары с освобождением от должности учителя. В Чебоксарах работал редактором журнала «Шурӓмпус» («Заря»), затем членом Центральной переводческой Комиссии. Здесь мною отредактирован ряд переводов художественной, научно-популярной и учебной литературы. О моей работе в переводческой Комиссии имеется отзыв в отчете председателя Комиссии Ф. Тимофеева за январь—август 1921 г. следующего содержания:

«Самым активным и самым ценным членом Комиссии за отчетный период является Н.А. Андреев» (ЦГА, ф. 125, оп. 1, листы 611—619). Такой же отзыв имеется в отчете Облесполкому ЧАО за январь—май 1921 г., где сказано: «Единственным постоянным и в то же время очень усердным работ-

ником и ценным является Н.А.Андреев» (ЦГА, ф. 125, оп. 2, д. 1, стр. 49).

С 15 октября 1922 г. по август 1925 года работал завед. сельскохозяйственным отделом газеты «Канаш», с апреля 1927 г. по декабрь 1928 г. секретарем сельскохозяйственного журнала «Чăваш ялĕ». О трудностях работы сельскохозяйственного отдела в то время описано в статье зав. отделом пропаганды Обкома А.Михайлова в газете «Канаш» № 24 за 1925 г., где он писал, что довольно оставлять Урхи одиноким (Урхи — мой псевдоним). Журнал «Чăваш ялĕ» своего редакционного аппарата не имел. Члены редколлегии были не платные. Секретарь выполнял работу начиная с составления планов номеров и кончая выпуском их. Статьи для журнала поступали на русском языке. Они переводились на чувашский язык большей частью секретарем, им же редактировались все поступавшие статьи, номера оформлялись секретарем, корректура читалась им же. Несмотря на это, журнал сделался солидным (см. отзывы о журнале в №№5, 7, 11—12 этого журнала за 1928 г.).

Старшим корректором в типографии работал в 1925—1927 и 1932—1934 годах. Корректорский аппарат состоял из 3—4 человек. Он выполнял всю работу по читке корректур всех выпускаемых Чувашгизом и другими учреждениями книг и брошюр через типографию и текстов изготавливаемых штампов и печатей. За работу в 1932 г. награжден Грамотой ударника. Можно себе представить об объеме проделанной работы корректорами типографии из следующего: в 1933 году типография одних учебников выпустила 33 названия, не считая других книг. В результате напряженной работы я захворал и в декабре был отправлен на лечение в Казанскую клинику по нервным болезням, а через 2 года работы ВТЭК признал меня инвалидом, и мне пришлось оставить работу в типографии.

В 1934 году поступил в Чувашгиз, где работал сначала редактором научно-технической литературы, а затем редактором учебников до февраля 1940 года. Через мои руки прошли книги и брошюры по разным отраслям, в особенности учебники. Здесь мною составлены чувашские термины по географии и перечень географических названий для географических карт к учебникам географии.

Участвовал то в качестве сотрудника, то в качестве корреспондента в следующих газетах и журналах: «Канаш» (с 1918 г.), «Пирён ял», «Ҫамрăк хресчен», «Чăваш коммуни», «Коммунизм ялавё», «Красная Чувашия», «Советская Чувашия», «Шурăмпуç», «Ҫёр ёҫлекен», «Сунтал», «Чăваш ялё», «Ёҫхёраямё», «Илемлё литература», «Тăван Атăл», «Ученые записки» ЧНИИ ЯЛИЭ.

За указанное время мною написано и напечатано до 500 статей по вопросам сельского хозяйства, языкознания, науки и др. (...)

В 1924—1925 годах состоял в Комиссии по коренизации аппарата государственных и общественных учреждений, работал в качестве секретаря. В 1925 году проводились курсы по подготовке секретарей сельских и волостных Советов. На курсах преподавал делопроизводство этих Советов на чувашском языке. Мною составлены были образцы деловых бумаг сельских и волостных Советов. Эти образцы вошли в книгу делопроизводства сельских и волостных Советов (2 часть).

С 1940 по 1943 г. работал в Президиуме Верховного Совета Чувашской АССР переводчиком и заведующим протокольной частью. Здесь мною составлялись протоколы заседаний Президиума на русском языке и переводились затем на чувашский язык. До меня они издавались только на русском языке. Мною же переводились материалы сессий Советов на чувашский язык.

Ввиду отсутствия единства в правописании названий районных и сельских Советов, мною правописание этих названий уточнено и утверждено Президиумом Верховного Совета ЧАССР. Кое правописание вошло в жизнь и сохраняется до сих пор. (...)

Начиная с 1921 г. по 1940 г. принимал участие в составлении всех настольных и стенных календарей, изданных на чувашском языке. Мною составлен стенной ежемесячный календарь за 1922 год при участии А.Быкова. В календаре за 1923 г. приметы о погоде за все месяцы, статья о вселенной (тёнче ҫинчен) составлены мною, языческие имена собраны мною. (...) В других календарях многие статьи о жизни замечательных людей, преимущественно ученых, статьи по вопросам сельского хозяйства, метрических мер и

весов и др. написаны мною, например: К.Маркс, Дж. Вашингтон, И.Ньютон, Л.Толстой и др. (...)

С 1935 по 1938 г. состоял студентом-заочником Чувашского педагогического института по факультету языка и литературы, выбыл по состоянию здоровья. С этого времени у меня пробудился интерес к научной работе в области языкознания и литературоведения. Труды мои посвящены вопросам грамматики, лексики, лексикографии, стилистики. (...)

После 1950 г. я окончательно освободился от марризма и встал на правильный научный путь. Вместе с этим я нашел свою дорогу в научной работе. Это дало мне возможность, идя своим путем и имея много собранных мною материалов, в такой короткий срок, на основе марксистско-ленинского учения о языке, разработать ряд актуальных проблем чувашского языкознания, которые до сих пор были не затронуты учеными или мало затронуты, и создать труды по стилистике, лексикологии, грамматике, а также по вопросам заимствований, терминологии и др. (...)

Высшая аттестационная комиссия в 1958 г. по формальным причинам отказала мне в присуждении ученой степени кандидата филологических наук*. Думается, что отсутствие у меня ученого звания не в состоянии умалить значение моих научных трудов и работ на протяжении сорока с лишним лет.

[Из заявления Н.А.Андреева директору
ЧНИИ ЯЛИЭ от 9 октября 1961 г.]

* 27 декабря 1968 г. Президиум ВАК повторно отклонил ходатайство Ученого Совета НИИ ЯЛИЭ при Совете Министров Чувашской АССР о признании заслуг Н.А.Андреева и присуждении ему ученой степени кандидата филологических наук по опубликованным трудам без сдачи экзаменов кандидатского минимума и защиты диссертации. — *Рег.*

Семейный портрет.

Мой папа, Наум Андреевич Андреев (Урхи Наум), родился 22 ноября 1891 года в деревне Ефремкасы Аликовского района Чувашской АССР. Из его рассказов о своей жизни я помню, что семья у них была многодетная и бедная. Рано умерли родители, и он остался сиротой, заботилась о нем сестра Вера. С малых лет ему пришлось работать подпаском и по найму на огородах богатых людей. Мальчику очень хотелось учиться. 12-летним он поступил в Аликовскую школу. От деревни до школы было 7 км, и дети в любую погоду ходили пешком. Школу он окончил, и появилась у него заветная мечта — стать учителем. Эта мечта привела его в г. Симбирск, в Чувашскую учительскую школу И.Я.Яковлева. Однако в школу его не приняли по возрасту: ему было 18 лет, а принимали только четырнадцатилетних. Он поступил на работу в столярную мастерскую при школе и стал заниматься самостоятельно. В 1913 году он сдал экстерном экзамены на звание учителя при Симбирской гимназии. Учителем ему работать не пришлось — началась империалистическая война и его призвали в действующую армию. Был в белорусских лесах и болотах, простудился и тяжело заболел ревматизмом. Вернулся домой и долго болел, а по излечении, уже после Великой Октябрьской социалистической революции, в 1918 г. поехал в Казань.

В Казани в то время была сильная культурная чувашская диаспора (издавались газеты и журналы на чувашском языке, был основан чувашский театр и др.). Наум Андреев работал в Комиссариате по чувашским делам при Казанском губисполкоме и в редакции журнала «Сёр ёслекен» (Земледелец). Его статьи печатаются в чувашских изданиях, его публикации связаны с практическими нуждами зарождающегося народного хозяйства.

В 1920 году переехал в Чебоксары, и с тех пор этот город стал постоянным местом жительства и нашей родиной.

В 1920—1930 гг. Наум Андреевич работал членом Центральной переводческой комиссии, зав. сельхозотделом газеты «Канаш», старшим корректором Чувашгиза, секретарем сельскохозяйственного журнала «Чăваш ялĕ», редактором, зав. учебным сектором Чувашгиза. Переводческая деятельность стала его второй работой. Путем огромных трудов он овладел основами наук и первым из чувашей и впервые перевел на чувашский язык «Астрономию» К.Фламариона. В 30-х годах проходила реформа народного образования в СССР. Учебники для средней школы стали стабильными для всех районов страны. В Чувашии в сельской местности преподавание было на родном языке, и Наум Андреевич взялся за огромный труд по переводу школьных учебников на чувашский язык. Им были переведены учебники по физической географии, ботанике, зоологии, анатомии и физиологии человека, основам дарвинизма, основам эволюционного учения. Он переводил научно-популярные книги о происхождении человека, о жизни на Земле, о жизни растений. Он хотел, чтобы подрастающее поколение было образованным и грамотным, и переводил книги для детей и юношества. Мне было 8 лет, и я хорошо помню, как, придя с работы домой, он отдыхал, а потом снова садился и писал за полночь. Его переводы: детская серия «Книги за книгой» («Жан Кристоф», «Слепой музыкант» и др.), «Русские народные сказки», «Сказки народов Севера», «Сказки братьев Гримм», «Сказки Андерсена», «Индийские сказки», «Сказки дядюшки Римуса», «Гулливер среди лилипутов» Д.Свифта, для молодежи «Как закалялась сталь», «Рожденные бурей» Н.Островского (коллективный перевод). Все детские книги тогда я и прочитала.

С 1940 по 1943 г. Наум Андреев переходит на работу в Президиум Верховного Совета Чувашской АССР на должность зав. протокольной частью и переводчика-консультан-

та. С 1943 года до выхода на пенсию в 1956 г. он работает научным сотрудником Чувашского НИИ ЯЛИ при Совмине Чувашской АССР.

В конце 30-х годов Наум Андреевич поступил на заочное отделение филологического факультета Чувашского государственного педагогического института. После 3-го курса, по совету врачей из-за плохого здоровья, учебу пришлось оставить. Видимо, полученные знания и свой разум дали стимул для дальнейшего изучения чувашского языка. Мне непостижима эта его энергия в работе, стремление к познанию. После выхода на пенсию он не прекращал своей работы и написал много научных трудов, о которых я, не специалист, судить не могу, но мне кажется, что мало таких разделов в языкознании, по которым бы он не опубликовал свои исследования.

Лебединой песней его переводческой деятельности стал перевод великого произведения гениального И.В.Гёте — трагедии «Фауст». Над переводом он задумывался еще с 20-х годов после ее прочтения, а осуществил в конце 60-х. До него никто не переводил «Фауста» на чувашский язык. К его и нашей семейной большой радости книга была издана при его жизни в 1979 г. в Чебоксарах.

Другую свою мечту — о высшем образовании — он осуществил тоже уже в пожилом возрасте. В 1968 г. он получил диплом об окончании Чувашского государственного университета им. И.Н.Ульянова. Ему было 77 лет.

Из-за нужды и бедности он поздно женился (в 32 г.): в 1923 г. взял себе в жены девушку Лену из соседней деревни Качалово. Женился по большой любви. Мама во всех его делах была первой помощницей и советчицей, поддерживала его начинания и давала первые отзывы о работе. Наум Андреевич и Елена Трифоновна в мире и согласии прожили 61 год. В 1927 году, когда в семье стало 2 детей, он построил дом с приусадебным участком по улице Чебоксарской, 3. Дом стоит на том же месте и сейчас, проживает в нем внук Евгений с семьей. Папа для отдыха любил работать на огороде и в саду. С познавательной целью занимался разведением всевозможных культур, которые в то время у нас в Чувашии почти не возделывались — кабачки, баклажаны, перец, бобы и др. Выписанный из Америки сорт гороха «чудо Америки» рос у нас на огороде больше 60 лет. Так уж получилось, что после смерти Наума Андреевича мы остались без этого сорта. Из-

за ухудшения здоровья он перед войной купил пчелиную пасеку, и любимая работа с пчелами продлила ему жизнь и дала здоровье. Умелое применение пчел для лечения дало возможность Науму Андреевичу вылечить жену старшего сына от тяжелого заболевания щитовидной железы. Врачи рекомендовали только хирургическое вмешательство, но через пару месяцев были поражены увиденным излечением.

Наум Андреевич всегда жил с девизом «Хочу все знать». Любознательность у него была до старости, ему все было интересно. Художественную современную литературу, насколько я помню, он почти не читал, но интересовался научной литературой по всем отраслям знаний. Эту хорошую черту характера — любознательность — он передал и нам, детям. И я очень довольна этим. Кроме большого интереса к происхождению чувашей, чувашского языка, его интересовали все стороны жизнедеятельности человека.

По характеру Наум Андреевич был очень трудолюбивым и добрым, отзывчивым, честным и порядочным, бескорыстным и принципиальным, настойчивым в достижении целей; вспыльчивым, но быстро отходчивым; никогда и никого не оскорблял; любящим семью и близких. Наум Андреевич не был человеком без племени, он до конца жизни поддерживал связь со своими земляками и оказывал им помощь делом и советами. Свои хорошие человеческие качества он передал нам на примере своей жизни. Он любил детей и внуков, стремился дать им образование. Только благодаря неустанному труду родителей Елены Трифоновны и Наума Андреевича я и мой брат Юра в тяжелые послевоенные годы сумели получить высшее образование в ленинградских институтах.

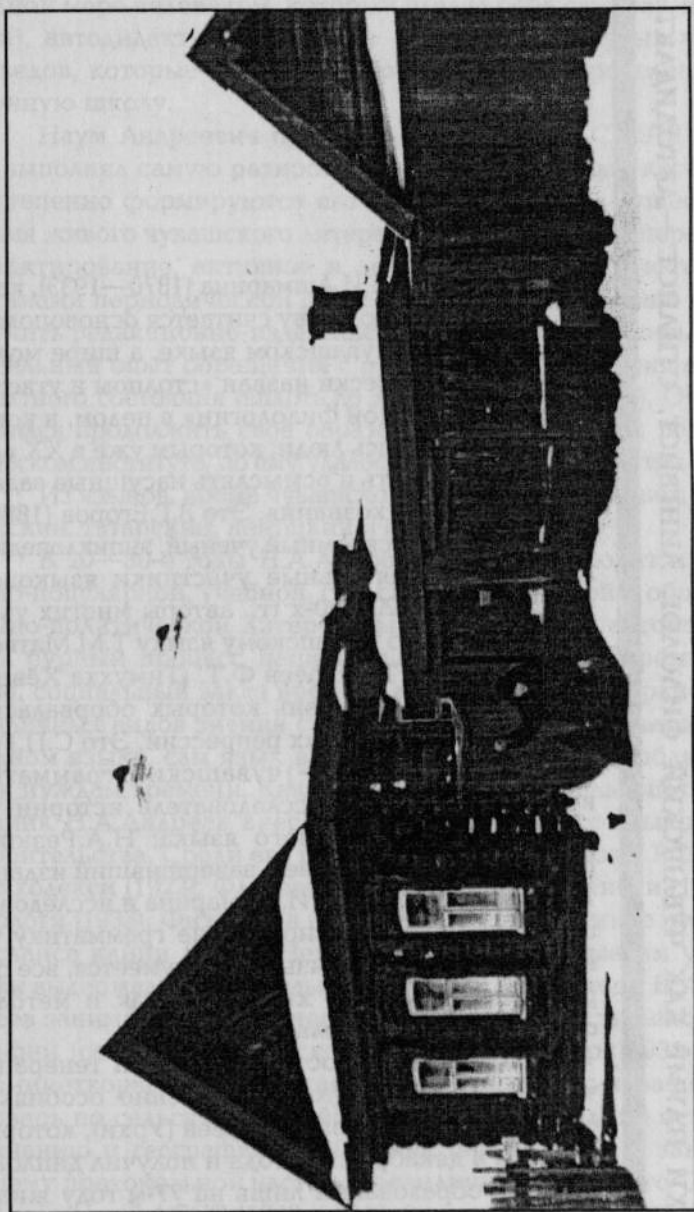
Низкий им поклон за это.

У них было 3 сына и дочь. Сейчас жива только я одна — дочь Валентина, но род Андреевых-Урхи продолжается. Живы три внука — Юрий, Евгений и Игорь, внучка Елена, 3 правнука и 3 правнучки.

Наум Андреевич Андреев прожил деятельную, творческую и по-своему счастливую (потому что он занимался всегда любимым делом), долгую жизнь и умер в возрасте 93 лет в 1984 г.

11 марта 2002 г.

г. Чебоксары

Дом и подворье Н. Андреева.

После Н.И.Ашмарина (1870—1933), который по праву считается основоположником науки о чувашском языке, а шире может быть метафорически назван «столпом и утверждением чувашской филологии» в целом, в конце XIX века родились люди, которым уже в XX веке пришлось решать и осмыслять насущные задачи чувашского языкознания. Это В.Г.Егоров (1880—1974), мудрый и скромный ученый, энциклопедист; активные и деятельные участники языкового строительства 20—30-х гг., авторы многих учебных пособий по чувашскому языку Т.М.Матвеев (1884—1939) и Тимофеев Ф.Т. (Тимухха Хёветерё) (1887—1941), жизнь которых оборвалась в результате незаконных репрессий. Это С.П.Горский (1897—1975) — чувашский грамматик, вузовский педагог, исследователь истории чувашского литературного языка; Н.А.Резюков (1898—1968) — языковед, завершивший издание 17-томного словаря Н.И.Ашмарина и исследовавший в сопоставительном плане грамматику чувашского и русского языков. Разумеется, все они различаются как по характеру, так и методам своей научной деятельности¹.

Среди этой посташмаринской генерации чувашских лингвистов совершенно особняком стоит Наум Андреевич Андреев (Урхи), который родился 4 декабря 1891 года и получил диплом о высшем образовании лишь на 77-м году жизни (к этому времени им уже были написаны и опубликованы)

ликованы основные научные труды). То есть Урхи был в полной мере человеком, который сделал себя сам (self-made man), автодидакт — в отличие от вышеупомянутых чувашеведов, которые худо-бедно прошли через определенную научную школу.

Наум Андреевич прожил долгую жизнь. С 1918 года он выполнял самую разнообразную работу, в ходе которой постепенно формируются его интересы в сфере существования живого чувашского литературного языка. Это перевод, редактирование, активное и деятельное сотрудничество с органами периодической печати. Н.А.Андреев хорошо смог изучить редакционно-издательский процесс и накопить значительный опыт обращения с рукописью и доведения ее до печатного состояния (вплоть до держания корректур). Он попытался продолжить свое образование в Чувашском педагогическом институте, но ему удалось проучиться только три года.

Из языков, кроме чувашского, как он сам отмечает, знал русский, татарский, немецкий и французский.

В 20—30-е годы Н.А.Андреев много переводит из научно-популярной, учебной, сельскохозяйственной и общественно-политической литературы. В Чувашской автономии шел бурный процесс национально-культурного строительства, социальный заказ времени требовал распространения различных видов знания среди широких масс населения на родном языке, сам язык видоизменялся и приспособлялся к нуждам времени. Как практический, социальный переводчик Н.А.Андреев внес свой вклад в процесс языкового строительства. Среди его переводов отметим также: РСФСР сёр кодекси (1923), Фламарион К. Астрономи кёнеки (1924), Зоологи (1933), Физикәлла географи (1935), Сёр синче пурна́с пусланса кайни (1936). Некоторые переведенные им учебники выдержали по несколько изданий. В эти же годы Н.А.Андреев занимается практической работой в области лексикографии (составление русско-чувашского словаря 1931 г.) и терминотворчества: терминологический русско-чувашский словарь по сельскому хозяйству (1933), термины по естествознанию и географии (1940)². Как переводчику и заведующему протокольной частью Президиума Верховного Совета Чувашской АССР (1940—1943 гг.), ему приходилось переводить и много официальных документов.

С 30-х же годов Н.А.Андреев начал переводить художественную литературу. Его первыми опытами на этом поприще были сказки братьев Гримм (1937), русские народные сказки (1938), детское переложение «Жана Кристофа» Романа Роллана (1938), советская классика (романы Н.Островского, М.Шолохова) и другие произведения.

В чувашское языкознание Н.А.Андреев пришел довольно поздно, на 52-м году жизни, когда с 1 марта 1943 г. он стал внештатным, а с 10 февраля 1944 г. штатным сотрудником Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Он принял участие в подготовке «Русско-чувашского словаря» и выполнил большой объем работы (36,8 а.л.), что составило более одной трети словаря, изданного в 1951 г. под редакцией известного тюрколога, члена-корреспондента АН СССР Н.К.Дмитриева.

К началу—середине 50-х годов уже окончательно определились контуры основных научных тем, которые он успешно разрабатывал в дальнейшем. Эти темы, или, точнее, направления его научной деятельности, в 50—60-е годы выглядели следующим образом.

Во-первых, это описательная грамматика чувашского языка. Одна из первых публикаций Н.А.Андреева была посвящена аффиксам чувашского языка (1952). В 1953—54 гг. среди чувашских языковедов проходила дискуссия по спорным вопросам чувашской грамматики, которая была стимулирована Всесоюзным совещанием по вопросам описательной грамматики, лексикографии и диалектологии (Москва, май 1953 г.). В свою очередь, общее оживление в советском языкознании было директировано и «срежиссировано» после появления «гениального» труда тов. И.В.Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» (1950), ставшего надгробным камнем «новому учению о языке» акад. Н.Я.Марра.

Так или иначе, Н.А.Андреев (совместно с И.П.Павловым) в публикации «О дискуссии по некоторым вопросам чувашской грамматики» (1955) подвел некоторые итоги грамматическим штудиям в чувашском языкознании, а в самом фундаментальном труде того времени «Материалы по грамматике современного чувашского языка» (1957) были опубликованы написанные им разделы «Имя существительное», «Имя прилагательное», «Имя числительное» и «Местоиме-

ние». Позднее для «Чувашско-русского словаря» (1961) им был написан краткий грамматический очерк чувашского языка.

Во-вторых, это историческая лексикология чувашского языка. Н.А.Андреев публикует такие статьи, как «Ядро основного словарного фонда чувашского языка» (1953), «О характере заимствований в чувашском языке» (1955). Если эти статьи имели очевидный компилятивный характер, то в статье «Чувашские порядковые числительные в сравнении с порядковыми числительными болгарских надгробных надписей» (1956) исследователь, в развитие некоторых суждений Н.И.Ашмарина и отчасти полемизируя с ним, достаточно убедительно анализирует историческое развитие форм болгаро-чувашских числительных.

21 мая 1956 г. Н.А.Андреев выступает с докладом на специальной научной сессии Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики на тему «Данные языка к вопросу о происхождении чуваш». Здесь он разбирает угро-финскую и тюркскую теории происхождения чувашского языка, приводит некоторые параллели из чувашского языка к языкам волжских болгар и дунайских болгар. Он отстаивает теорию болгарского происхождения чувашей, основы которой были четко сформулированы еще Н.И.Ашмариним. При этом в одном месте он оговаривается, что «в последнее время появилась теория о сарматском, т.е. иранском происхождении болгар», и приводит некоторое количество скифских и санскритских параллелей к чувашским лексемам. Это можно считать зародышем темы Irano-Tschuwaschi са, которую Н.А.Андреев(Урхи) будет увлеченно разрабатывать 20 лет спустя, в последние годы своей жизни (см. далее). Это направление своих изысканий Н.А.Андреев (Урхи) подытожил изданием книги «Чăваш чĕлхин лексикологийĕ» (1961).

В 1974 г. Н.А.Андреев издает статью «К вопросу о создании исторической лексикологии», где его основной тезис звучит следующим образом: «...При составлении исторической лексикологии необходимо учитывать, насколько это возможно, сходства в лексике чувашского языка не только между лексикой тюркских языков, но и других языков, напр., монгольского, тунгусо-маньчжурских, санскритского, иранского, арабского, русского, финно-угорских, греческого, латинского

языков. В них мы найдем поразительные сходства в лексике». В обоснование этого тезиса он приводит чувашско-греческие, чувашско-латинские, чувашско-скандинавские, чувашско-иранские параллели, которые в лучшем случае представляются малообоснованными, а иногда и просто фантастическими.

Третье направление, которым занимался Н.А.Андреев (Урхи), как мы видели, уже с 30—40-х гг., это чувашская терминология. Ему удастся сочетать как теоретический, так и практический аспекты этой сферы функционирования чувашского языка. После статьи «Вопросы чувашской терминологии» (1955) и осмысления накопленного в течение многих лет языкового материала он подготавливает «Положение о терминотворчестве и упорядочении чувашской терминологии», с которым выступает на Всесоюзном совещании в Москве (май 1959 г.). В 1960 г. им был издан «Русско-чувашский словарь общественно-политических терминов».

Четвертое направление его научной деятельности, в котором его можно считать отчасти пионером, это стилистика чувашского языка. Первые статьи по лингвистической стилистике Н.А.Андреев публикует в альманахе Союза чувашских писателей «Тăван Атăл» (1953—1957 гг.). Затем постепенно в трех частях выходит его монография «Чăваш чĕлхин стилистики» (1958, 1964, 1966). В советском языкознании как раз в эти годы довольно бурно обсуждались стилистические проблемы³. Н.А.Андреев в духе того времени к понятию «стиль» подходил достаточно формально, трактуя его как совокупность всех языковых средств — фонетических, лексических, фразеологических и грамматических особенностей, определяющих отношение данного стиля к функциональным разновидностям чувашского литературного языка. Но последний в те годы именно как «система стилей» не был исследован, не было, по сути, описано еще историческое становление различных стилей чувашского литературного языка. Социально-историческую характерологию чувашского языка в стилевом разрезе, которая имеет выход и на национальное мировоззрение (через семантику «наивной» картины мира), нам и сейчас еще предстоит разрабатывать.

Таким образом, как видим, Науму Андреевичу удалось по всем четырем избранным им направлениям чувашского

языковедения плодотворно поработать и издать не совсем оригинальные, может быть, но полезные монографические исследования.

Лебединой песней для Наума Андреевича стала тема Irano-Tschuwaschica. В двух своих наиболее обширных статьях «Иранско-чувашские этнокультурные и языковые параллели» (1975), «Ирано-чувашские этнические и культурные связи по данным ономастики» (1980) он привел множество совпадающих по фонетическому облику лексем, а также попытался показать сходство их семантики (опираясь, в основном, на данные словаря современного персидского языка). В то же время, по его мнению, контакты чувашей (или предков чувашей) с иранцами происходили по крайней мере 2500—2000 лет тому назад и позднее. Для сравнения, или скорее предварительного сопоставления*, он привлекает апеллятивную лексику самых разнообразных лексико-тематических групп, антропонимы, а также чувашскую топонимию. Для выводов Урхи также особенно важен анализ чувашской религиозной (сакральной) лексики: теонимы, мифоантропонимы, мифонимы и т.д. Им обнаружено, действительно, множество подобных совпадений, и он полагал, что «иранские элементы в чувашском языке исчисляются не десятками, как полагал проф. В.Г.Егоров, а сотнями, и охватывают они самые разнообразные стороны культуры и быта чувашского народа»⁴.

Мы не собираемся подвергать критическому анализу все выявленные лексические сходжения («иранские элементы чувашской лексики»). Это сделать практически невозможно, однако отметим, что выводы Н.А.Урхи имеют далеко идущие последствия, хотя фундамент, на котором они зиждутся, нам не представляется достаточно прочным. Приведем эти выводы, хотя они и не вписываются в общепринятую хронотопологию болгаро-чувашского глотто- и топогенеза и вступают в явное противоречие со взглядами современных урало-алтаистов, занимающихся изучением этноязыковых и

* Н.А.Андреев совершенно не применяет компаративистских методик и процедур: установление системы соответствий, моделирование исходных архетипов, хронологическая и пространственная локализация языковых явлений и состояний, реконструкция первоначальных и промежуточных форм и т.д.

культурно-исторических взаимоотношений народов Евразии на протяжении последних 2—2,5 тыс. лет.

(1) Н.А. Урхи утверждает, что «в результате культурно-этнических связей ираноязычных народов с предками чувашей и булгар появились отложения лексики иранских языков различных периодов: а) древнего периода — авесты, древнеперсидского, мидийского, скифского; б) среднего периода — среднеперсидского, парфянского, согдийского, хорезмийского, аланского, бактрийского (кушанского); в) нового периода — персидского, осетинского языков»⁵.

Между тем никакой стратификации этих лексем исследователь не проводит.

(2) «Чуваши восприняли религиозное учение Заратуштры — зороастризм — от иранцев, первых последователей этого учения. Особую роль в этом отношении сыграли согдийцы в лице их ученых, торговцев и религиозных деятелей зороастризма, известных как распространителей культуры среди других народов»⁶.

Сравнение теонимов зороастрийского и чувашского пантеонов не представляется убедительным: *Ормузд* ≈ *йрәмсә*; *пихампар*, *пирёшти*, *ақтаха* широко представлены и в других тюркских языках.

(3) «В чувашском этногенезе участвует согдийский компонент, что ясно видно в наличии в чувашском языке топонима *Сăкăт* (Сугут) как названия ряда селений и рек»⁷.

(4) «В чувашской ономастике сохранились этнонимы согдийцев, бактрийцев, парфян, мидян, имена некоторых политических и религиозных руководителей, которые были во главе предков чувашей и булгар при миграции их из Средней Азии в Поволжье, где они организовали их расселение и управление»⁸. (...) «...Правящая аристократия чувашей в своем составе имела представителей высококультурного согдийского народа, имевшего свою древнейшую письменность»⁹.

Участие согдийского элемента в чувашском этногенезе невозможно подтвердить столь слабыми аргументами (*Сăкăт* < *sgd, sogd* «этноним», антропоним *Урак* ≈ чувашские антропонимы).

(5) «В результате культурного влияния Древнего Востока в чувашском языке отложился особый лексический пласт, заметно отличающий чувашский язык от других тюркских

языков и сближающий его с языками иранской группы (...) По Древнему Востоку удалось привести небольшое количество языковых фактов. Они свидетельствуют об опосредованном влиянии культуры Древнего Востока — шумерийцев, вавилонян, хеттов, арамейев и др. на чувашскую. Это влияние шло, вероятно, через культуру ираноязычного населения»¹⁰.

Для того, чтобы прояснить, кто на кого влиял, надо прежде всего разобраться в сложных этнокультурных и языковых взаимодействиях, которые имели место в условном ареале, куда входили Древний Иран, Древнее Двуречье и Передняя Азия. Здесь тоже, безусловно, есть своя хронотопология, тем более, что и сами эти древние языки генетически гетерогенны, поэтому не надо бы их смешивать в одну кучу.

И тем не менее Н.А.Урхи был прав, когда стал заниматься темой *Irano-Tschuwaschica*. Не преувеличивая роли и количества «иранских элементов» в лексике чувашского языка, генетическая и хронотопологическая стратификация ирано-чувашских параллелей чрезвычайно важна и перспективна. При исследовании взаимодействия *Iran—Turan* на основе дифференцированного языкового материала возможно проникновение в ранние эпохи истории чувашского языка (огурская — сер. I тыс. до н.э.—начало н.э.; оногурская — начало н.э.—III век н.э.)¹¹.

Научная деятельность Н.А.Андреева (Урхи) имеет своим истоком общественно-языковую практику 20—30-х годов. Как и большинство чувашских лингвистов постаשמаринской генерации, он участвовал в удовлетворении социальных потребностей в плане реализации чувашским языком тех или иных общественных функций. Кроме того, чувашские лингвисты не имели возможности теоретически осмыслить родной язык в диахроническом и синхроническом аспектах. Да это было и невозможно в период господства «нового учения о языке» Н.Я.Марра, а после 1950 г. сакрализации сталинских ответов «на ряд вопросов, поставленных товарищами»¹². Отсюда некий страх или боязнь перед лингвистической теорией, которые сохраняются в определенной мере и ныне.

Н.А.Урхи словно следовал ставшему «крылатым» выражению Мефистофеля:

Теори, тусăм, пур çĕрте те типĕ,
Чĕм йывăçши кăна ялан сип-симĕс¹³.

Между тем, на наш взгляд, именно соединение общественно-языковой практики и теории языка может дать самые плодотворные результаты для развития, прогнозирования и обеспечения существования чувашского языка.

Литература и примечания

¹ Более подробно об этих языковедах см.: *Федотов М.Р.* Исследователи чувашского языка. Изд. 2-е, дополн. ЧГУ. Чебоксары, 2000.

² Полные выходные данные всех публикаций Н.А.Андреева, приведенных нами, см. в библиографии настоящего издания.

³ См., напр., *Виноградов В.В.* Итоги обсуждения вопросов стилистики //ВЯ, 1955, №2.

⁴ *Андреев Н.А.* Иранско-чувашские этнокультурные и языковые параллели //Чувашский язык и литература. Труды ЧНИИ. Вып. 59. Чебоксары, 1975. С. 111.

⁵ *Андреев Н.А.* Ирано-чувашские этнические и культурные связи по данным ономастики //Исследования по этимологии и фразеологии чувашского языка. Труды ЧНИИ. Вып. 98. Чебоксары, 1980. С. 30.

⁶ *Его же.* Иранско-чувашские этнокультурные и языковые параллели. С. 111. О сходстве систем зороастризма и чувашской языческой религии см. там же. С. 96—98. Совершенно фантастическая этимология чувашского *Кебе* — «божество судьбы, определяющее людям счастливые или несчастливые жребии», дается на с. 98. Она же повторена в статье «Ирано-чувашские этнические и культурные связи по данным ономастики»: «В чувашском пантеоне важное место занимает богиня судьбы *Кебе* (*Келе*). Считают, что это название от арабского *кааба*, названия главного святилища мекки. Необходимо иметь в виду, что ислам возник в VII в. н.э., а зороастризм в VI в. до н.э.

Кебе имеет своим происхождением связь с урартской и хурритской религиями, где культ урартской богини *Хуба* (хуррит. *Хеба*) начался в IX в. до н.э. От хурритов переняли греки в форме *Геба* (богиня цветущей юности), а от греков, вероятно, переняли предки чувашей; ср. египет. *Геб* — бог земли (...). С. 41.

⁷ *Его же.* Иранско-чувашские этнокультурные... С. 95.

⁸ *Его же.* Ирано-чувашские этнические и культурные связи по данным ономастики. С. 25.

⁹ *Его же.* Иранско-чувашские этнокультурные... С. 112.

¹⁰ Там же. С. 111—112.

¹¹ Ср.: «Выявление реального фонда иранских элементов чувашской лексики — это первая и основная в настоящее время задача». — *Скворцов М.И.* К проблеме изучения иранского фонда чувашской лексики //Проблемы исторической лексикологии чувашского языка. Труды ЧНИИ. Вып. 97. Чебоксары, 1980. С. 119.

¹² Ср. выше: «Я не языковед и, конечно, не могу полностью удовлетворить товарищей. Что касается марксизма в языкознании, то к этому делу я имею прямое отношение». *Сталин И.* Марксизм и вопросы языкознания. Издательство «Правда», 1950. С. 3.

¹³ *Гёте И.В.* Фауст. Трагедия. Н.А.Андреев-Урхи куçарнă. Шупашкар, 1979. С. 97. Ср. с переводом Б.Пастернака: «Теория, мой друг, суха// Но зеленеет жизни древо».

Наиболее значимые изыскания Н.А.Андреева в области грамматического строя чувашского языка представлены в четырех книгах: «Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. 1. Морфология» (Чебоксары, 1957) — статьи «Имя существительное», «Имя прилагательное», «Имя числительное», «Местоимение»; «Чувашско-русский словарь» /Под редакцией М.Я.Сироткина (М., 1961) — «Краткий очерк грамматики чувашского языка»; «Чăваш чĕлхин стилистики (Очерксем). II пайĕ. Морфологи» (Шупашкар, 1964); «Чăваш чĕлхин стилистики (Очерксем). III пайĕ. Синтаксис» (Шупашкар, 1966) — и нескольких отдельных публикациях¹.

Особого внимания заслуживает первая из перечисленных работ, составленная как коллективный труд, соавторами которого являются также известные ученые В.Г.Егоров и И.П.Павлов. По мнению авторов данного труда, «Материалы» охватывают всю морфологию чувашского языка, но они не названы курсом научной грамматики (морфологии) потому, что статьи, представленные в данном сборнике, освещают части речи с различной степенью полноты и глубины, кроме того, в них не удалось добиться стилистического единства². Тем не менее следует отметить, что авторы данного сборника в полной мере старались использовать достижения грамматической мысли, отраженные в основополагающих трудах Н.И.Аш-

марина и других ученых по чувашскому языку, а также учесть главные положения Московского совещания по вопросам составления описательной грамматики, диалектологии и лексикографии (1953) и итоги дискуссии по некоторым вопросам чувашской грамматики (1953—1954 гг.)³.

По прошествии почти полувекового периода времени со дня появления на свет «Материалов» можно без преувеличения сказать, что данная книга на русском языке по грамматике чувашского языка, единственное в своем роде полное издание комплекса морфологической проблематики родного языка, по своему жанру является описанием научным и одновременно нормативным. Впервые в истории чувашской лингвистики авторы «Материалов», «ставя перед собой главным образом нормативную цель, рассматривали в основном формы современного литературного языка без сравнения с другими тюркскими языками»⁴, но с привлечением диалектных данных.

Наиболее выпукло нормативная цель описания фактов чувашского литературного языка выступает в трех книгах Н.А.Андреева по стилистике чувашского языка, имеющих подзаголовки «Очерков», предназначенных прежде всего для учащейся аудитории, а также тех, кто активно пользуется в практической деятельности письменной формой литературного языка. Как самостоятельные монографические исследования «Очерки» могут быть объектом отдельного рассмотрения с точки зрения современной науки о стилях языка или стилистики как таковой. Аналогичное мнение можно высказать и по поводу другой известной работы Н.А.Андреева по лексикологии чувашского языка⁵.

Поскольку в задачи нашего анализа входит лишь определенный круг вопросов, связанных с формированием чувашской грамматической мысли и установлением основных вех ее развития в истории чувашского языкознания, а также места и роли в исследовательском процессе такого самобытного языковеда, как Н.А.Андреев, хотелось бы поподробнее остановиться на освещении основных понятий и категориально-терминологическом аппарате, если можно — концептуальном подходе к морфологическому строю чувашского языка, примененных Н.А.Андреевым и другими его соавторами в «Материалах» и «Кратком очерке грамматики чувашского языка».

В обеих работах схема изложения языковых фактов отмечается простотой и доступностью для читателей, не загроможденной излишними терминами и «научообразными» понятиями. В целом описание морфологического строя чувашского языка в «Материалах» построено на учете выявленных в ходе лингвистической дискуссии 1953—1954 гг. научных результатов, поэтому во всей работе, включая статьи В.Г.Егорова и И.П.Павлова, нет той традиционной теоретической части, которая разъясняла бы исходную позицию авторов. Однако во всех статьях в той или иной мере отражены теоретические положения, касающиеся морфологии частей речи чувашского языка. Опираясь на описательно-классифицирующий (систематизирующий) подход к явлениям языка и традиции русского и советского языкознания, авторы «Материалов» довольно точно определили основной корпус частей речи чувашского языка, который почти в таком же виде представлен в современных грамматических описаниях. Этот момент явился новым словом в истории чувашской лингвистики, т.к. в родственных тюркских и типологически сходных агглютинативных языках до последнего времени в вопросе о выделении частей речи существует ряд дискуссионных вопросов. Тем не менее авторам «Материалов», в том числе и Н.А.Андрееву, не удалось избежать некоторых упущений, навеянных иноязычными грамматическими традициями. Н.А.Андреев одним из первых в чувашском языкознании начал употреблять термин *грамматическая категория*, хотя в его статьях нет еще эксплицитного истолкования содержания этого понятия. Поэтому из книги не всегда бывает ясно, какой терминологический смысл вкладывает он в понятие *грамматическая категория*. Так, например, у имени существительного Н.А.Андреев выделяет категорию числа, падежа и принадлежности, а для других частей речи — прилагательных, местоимений и числительных — использует традиционные термины, не увязывая их с понятием *грамматическая категория*. Не без влияния русских грамматик при освещении имен существительных автор специально отводит отдельный параграф грамматическому роду, хотя сам же признает, что «категория грамматического рода в чувашском языке, как и в других тюркских языках, отсутствует, поэтому имена существительные (а также прилагательные, числитель-

ные, местоимения, причастия и глагольные формы) по родам не различаются»⁶. У современных лингвистов вызывает сомнение правомерность рассмотрения в морфологическом описании так называемых нарицательных и собственных, активных и неактивных (пассивных) разрядов имен существительных, выделенных Н.А.Андреевым.

С позиций функционально-семантического подхода к языковым явлениям можно только положительно оценить попытки раскрытия содержательной стороны грамматических форм числа, падежей и принадлежности, предпринятые Н.А.Андреевым, а также по возможности полной характеристики формальной стороны этих категорий.

Наряду со словоизменительными и формообразовательными аффиксами во всех своих статьях Н.А.Андреев подвергает анализу и описанию словообразовательные аффиксы, присущие тем или иным именным частям речи. Такой подход, на наш взгляд, был вполне оправданным для того времени и послужил, прежде всего, комплексному изучению аффиксальных морфем чувашского языка во всех их проявлениях.

Подытоживая сказанное, можно сделать вывод о том, что научно-творческая деятельность Н.А.Андреева в области грамматических изысканий родного языка увенчалась большими успехами в создании фундаментальных работ как по морфологии, так и по стилистике и лексикологии чувашского языка. Не потеряли своего научного значения и многие другие публикации Н.А.Андреева, посвященные истории языка, современным грамматическим проблемам и др.

Л и т е р а т у р а

¹ Андреев Н.А. Аффиксы чувашского языка // Записки ЧНИИ. Чебоксары, 1952. Вып. 6. С. 166—195; *его же*. Чувашские порядковые числительные в сравнении с порядковыми числительными болгарских намогильных надписей // Учен. зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1956. Вып. 14. С. 236—245; *его же*. Передача на чувашском языке непереводаемых относительных прилагательных русского языка // Учен. зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1958. Вып. 16. С. 141—157.

² Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. I. Морфология. Чебоксары, 1957. С. 3.

³ О дискуссии по некоторым вопросам чувашской грамматики // Учен. зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1955. Вып. 12. С. 3—27.

⁴ Материалы... С. 3.

⁵ Федотов М.Р. Исследователи чувашского языка. Изд. 2, дополн. Чебоксары, 2000. С. 150—151.

⁶ Материалы... С. 7.

В компаративных и историко-этимологических исследованиях по лексике тюркских языков довольно часто встречаются указания на иранское (индоиранское, древнеиранское, восточноиранское) происхождение целого ряда общетюркских и межтюркских слов. Однако проблема древнейших иранско-тюркских языковых контактов в тюркологии до сих пор не получила сколько-нибудь серьезного научного освещения.

В чувашском языкознании проблема научного обоснования древнейших иранско-чувашских этнокультурных и языковых параллелей впервые была поставлена Наумом Андреевичем Андреевым (Урхи) в середине 70-х годов прошлого века¹. Со времени опубликования основных работ Н.А.Андреева по иранско-чувашской проблематике прошло более четверти века, и с высоты современной тюркской компаративистики многие предпринятые им лексические сближения не выдерживают серьезной филологической критики. При этом, конечно, следует помнить, что исследователь имел в виду иранско-чувашские параллели в самом широком смысле, а не только (и не столько) древнейшие иранские заимствования праязыковой эпохи. Между тем специалистам давно известно, что в словарном составе современного чувашского языка выявляется довольно значительное число позднейших иранских заимствований — главным образом фарсизмов, проникавших в язык волжских булгар в средние

века, в основном — в XIII—XIV веках через посредство золотоордынско-кыпчакского языка (или т.н. «поволжское тюрки»), и в новое время уже в собственно чувашский — через посредство татарского языка (начиная со второй половины XV в. и вплоть до наших дней)². Во избежание терминологической путаницы, я предлагаю называть в дальнейшем древнейшие иранские заимствования в болгаро-чувашском древнеиранскими или восточноиранскими заимствованиями (примерно до X в. н.э.), а более поздние слова чувашского языка таджикско-персидского происхождения, заимствованные в основном через посредство золотоордынско-кыпчакского и современного татарского языков, — фарсизмами. В рамках данной публикации основное внимание будет уделено восточноиранским заимствованиям, проникавшим в болгарский предок чувашского языка с I тысячелетия до н.э. по I тысячелетие н.э. и сохранившимся в современных тюркских и чувашском языках.

Несмотря на панхроничность репрезентативного эмпирического материала и несовершенство его филологического анализа, основные теоретические предпосылки, выдвинутые Н.А.Андреевым более чем четверть века назад, оказались провидческими и заслуживают самого пристального внимания компаративистов, занимающихся проблемами ранних иранско-тюркских этнолингвистических контактов.

Наиболее ранние иранско-тюркские контакты Н.А.Андреев относит к хуннской (сюннуской) эпохе и локализует в Центральной (Внутренней) Азии, когда «тюркоязычные племена Центральной Азии, особенно входившие в состав Гуннской державы, имели тесные связи с некоторыми иранскими государствами»³. По мнению исследователя, «в гуннскую эпоху, в конце I тысячелетия до н.э. и в начале н.э., тюркоязычные предки чувашей проживали в Восточном Туркестане в пределах южного Тянь-Шаня... В Восточном Туркестане, а также за его пределами в Средней Азии и Восточной Европе проживали ираноязычные племена — саки, согдийцы, бактрийцы, хорезмийцы, сарматы и аланы в близком соседстве с предками чувашей, точнее, с чувашами, а также с болгарскими племенами»⁴.

Если быть более точным, то говорить о чувашах, да и о болгарах в столь отдаленные времена — в конце I тысячелетия

до н.э. и в начале н.э. — вряд ли корректно. Речь может идти только о далеких тюркоязычных предках болгар и чувашей, известных, судя по всему, под названием огуров (ср. общетюрк. *oγuz* ~ болгар. *oγur*). Есть основания локализовать этих огуров в пределах современной Монголии. В пользу этого говорят, в частности, многочисленные тюркские (вернее — огурские) лексические заимствования, выявленные практически во всех современных монгольских языках и диалектах и имеющие явно выраженные болгаро-чувашские фонетические и морфологические признаки⁵, среди которых немало слов древнеиранского происхождения, а также этническое название западной группы монголов — *oйрат*, которое в этимологическом отношении представляет монголизированную форму множественного числа на *-t* огуро-болгарского этнонима *oγur* (т.е. болгар. *oγur* → прамонг. **oγur-ut* > совр. монг. *oirat* «ойраты», ср. также *türk* «тюрк» и *türküt* «тюрки»). Особого внимания заслуживает также версия об иранском происхождении суффикса плюралиса *-t* в тюркских и монгольских языках⁶. Среди огурских заимствований в прамонгольском довольно много общетюркских слов восточного происхождения⁷, а это указывает на то, что тюркско-иранские языковые контакты имели место задолго до первичного распада прототюркской общности на огузскую (стандартно-тюркскую) и огурскую (болгаро-чувашскую) ветви и до начала проникновения огурских заимствований в прамонгольский. Весьма показательны, что в числе огурских заимствований в прамонгольском достаточно широко представлена связанная с развитым животноводством общетюркская лексика восточноиранского происхождения; ср., напр.: тюрк. *alaša* «лошадь, мерин», *at* «лошадь, конь», *baran* «ягненок», *buqa* «бык-производитель», *buzayu* «теленок», *ečki* «коза», *eşgek* «осел», *käçi* «коза», *öküz* «бык», *qoç, qoçnar* «баран-производитель», *say-* «доить», *süt* «молоко», *qaz* «гусь», *taj* «жеребенок», *tāna* «телка», *tākā* «козел», *toruγ* «гнедой», *üjān/jügān* «узда» и т.д.⁸ Такое положение вещей свидетельствует о том, что древнейшие иранско-тюркские языковые контакты имели место задолго до хуннской эпохи, еще в период освоения прототюрками скотоводства. С прототюрками археологи обычно связывают культуру плиточных могил⁹, а проникновение домашних животных в среду создателей этой культуры

датируют карасукской эпохой (X—VIII вв. до н.э.). Во всяком случае, принято считать, что в начале I тысячелетия до н.э. проживавшие в Монголии племена уже перешли к кочевому скотоводству¹⁰. С учетом всего сказанного можно полагать, что наиболее ранние иранско-тюркские языковые контакты начали складываться в начале I тысячелетия до н.э. в районе Центральной Монголии и продолжались на протяжении всех трех последующих тысячелетий. В связи с такой реальной ситуацией перед исследователями иранско-тюркских этноязыковых параллелей остро встает проблема хронотопологической стратификации восточноиранских заимствований в тюркских языках, а также определения связей выявленных стратов с известными археологическими культурами и древними этнополитическими образованиями — динлинами, юэжжами, усунями, саками, массагетами и т.д.

Н.А.Андреев далее специально подчеркивает, что «в начале нашей эры чуваши и булгары (я бы здесь сказал: «огурско-оногурские племена». — Н.Е.) по пути в Европу в течение двух столетий продвигались по территории ираноязычной Средней Азии и Казахстана. Следовательно, в течение многих столетий чуваши (вернее, их далекие предки. — Н.Е.) жили в общении с иранцами»¹¹. Наиболее вероятными для оногурского периода (I—III вв. н.э.) истории булгаро-чувашского языка представляются прямые контакты с усунями, саками, массагетами, согдийцами, бактрийцами, хорезмийцами и др. известными по письменным источникам племенами восточноиранского круга. При выявлении иранских заимствований огурской и оногурской эпох надо иметь в виду, что начиная примерно с середины I тысячелетия до н.э. огуры окончательно откололись от пратюрков и с тех пор их язык развивался автономно. В современном чувашском языке выявляется определенный пласт восточноиранской по происхождению сепаратной лексики, не представленной в других тюркских языках (например, частица отрицания *ан* «не», употребляющаяся при глаголах в повелительном наклонении ~ иран. *ap-* «без-/бес-, не» — префиксальная частица со значением отрицания¹²; лично-возвратное местоимение *хам* «я сам», *хăв/ху* «ты сам», *хăй* «он сам» ~ иран. **hva* «сам»: авест. *hva-*, сак. *hävja*, *hivya*, курд. *xwe*, др.-инд. *sva-*, и.-е. **swō-* «свой»¹³; аффикс множ. числа *-сем* ~ и.-е. *sem-*, *sm̃-* «воедино, вместе

с», др.-инд. *samá-*, авест. *ham-*, *hama-*, тадж. *hama* «весь, все, всё», кстати, рефлексы которого в памирских языках выступают в роли суффикса плюралиса; см. Пахалина Т.Н. Указ. соч. С. 58; и т.п.), который сложился в ходе автономного развития огуру-булгарского языка.

Определенный пласт лексики восточноиранского происхождения, имеющий общетюркский характер, видимо, сепаратно проникал как в булгаро-чувашский, так и в стандартные тюркские языки уже после распада пратюркской общности. Так, например, современное чувашское *эрне* (< старочуваш. **arna* ~ **arnā*, ср. диал. верх. *арня* «неделя», *мӑнарни* «пятница», общечув. *çӑварни* «масленица», букв. «масляная неделя», удм. *arná* ← ср.-булг.) по фонетическим критериям нельзя выводить непосредственно из межтюркского **adīna* «пятница». Современные тюркские формы (тат. *атна*, башк. *азна*, туркм. *анна* < **agna* и т.п.) несомненно восходят к новоперсидскому *آدینه* *агине* «пятница», но чувашская форма *эрне* (< **арня*), скорее всего, является иранским заимствованием, проникшим в древнебулгарский язык уже во II—III вв. н.э., т.е. в оногурскую эпоху, из некоего среднеазиатского восточноиранского (сакского, согдийского, хорезмийского?) языка. На столь раннюю датировку проникновения этого слова в булгаро-чувашский язык прежде всего указывает т.н. «булгарский ротацизм», т.е. историческое развитие *d* > *r*, которое завершилось уже в древнебулгарскую эпоху¹⁴. Надежной вехой для датировки булгарского ротацизма служит древнерусское название города Судака — *Сурожь* (< др.-булг. **Suraγ* < алан. **Suγdag*; ср. греч. Σουδαία, араб. *Suγdāq*, *Sūdaq* и др. названия этого города в Крыму; ср. также ротацированные формы в средневековых итальянских источниках, такие, как *Sardaya* и *Sordaya*), проникшее в восточнославянский непосредственно из языка древних булгар¹⁵. Как известно, в иранских (новоперсидских) заимствованиях среднебулгарской эпохи (IX—XVI вв.) фонетическая корреляция *d* > *r* не наблюдается¹⁶. Следовательно, можно уверенно сказать, что в булгаро-чувашский язык слово *эрне* попало в оногурскую эпоху (начало н.э.—III в. н.э.), т.е. во время прохождения оногуро-булгарских племен через Среднюю Азию, а современные стандартные тюркские языки (огузские, карлукские, кыпчакские) заимствовали слово **adinā* из ново-

персидского языка не ранее начала XIV в., когда среди кочевников широко начал распространяться ислам¹⁷.

Контакты болгар с ираноязычными племенами продолжались и в древнеболгарскую эпоху. Н.А.Андреев вполне резонно подчеркивает: «Во II—VIII вв. предки чувашей обитали на Нижней Волге и Северном Кавказе в соседстве с ираноязычными сарматами и аланами. Взаимовлияние, особенно влияние передовой иранской культуры на чувашскую (точнее — древнеболгарскую. — Н.Е.), было значительным»¹⁸.

Ввиду полного отсутствия памятников языка сарматов трудно сказать что-нибудь определенное по поводу характера, направления и объема сарматско-болгарских этноязыковых контактов, но они, несомненно, имели место. Что же касается аланско-болгарских языковых взаимоотношений, то определенное представление о них можно получить по осетинско-чувашским лексическим совпадениям. Выявляются как аланские (осетинские) заимствования в болгаро-чувашском, так и древнеболгарские в осетинском языке. Несомненно аланским заимствованием является чув. *сава* «коса (орудие)», ср. осет. *сæвæг* «тж» — лексикализованное причастие на *-æг* от глагола *сæвул* «бить», собственно «бьющее» или «секущее» орудие¹⁹. Появление сенокосной косы, конечно, связано с постепенным переходом древних болгар к оседлому хозяйству и возникшей в связи с этим необходимостью заготовки фуража на зиму. Историко-археологические материалы свидетельствуют о переходе болгар к оседлой жизни именно на Северном Кавказе в VI—VII вв. Аланско-болгарские языковые взаимосвязи еще не стали предметом специального исследования. Вместе с тем археологи давно доказали, что в сложении салтово-маяцкой культуры VIII—IX вв. самое непосредственное участие принимали болгарские и аланские племена. Поэтому целенаправленное изучение чувашско-осетинских лексических параллелей обещает быть плодотворным и ждет своего исследователя.

«Контакты чувашей с ираноязычными народами, — продолжает Н.А.Андреев, — были и впоследствии. В X в. была сильно развита торговля Мавераннахра и Хорасана с Болгарским царством на Волге... В IX—XIII вв. Болгария находилась под значительным влиянием, преимущественно экономическим, Самаркандского государства со столицей Бу-

хара»²⁰. Еще более тесными были связи Волжской Булгарии с Хорезмом, Саманидским Ираном и Арабским халифатом. Однако в этот период в болгаро-чувашский язык в основном проникали новоперсидские заимствования. Настоящее сообщение преследует цель обратить внимание тюркологов и иранистов на древнейшие иранские заимствования праязыковой эпохи, встречающиеся во всех или большинстве тюркских языков, включая чувашский, а потому фарсизмы средне- и новобулгарской эпох я здесь не затрагиваю и сразу возвращаюсь к древнейшим иранско-тюркским этноязыковым контактам.

Древнейшие этнолингвистические контакты между прототюрками и некоторыми индоиранскими, конкретнее — восточноиранскими, племенами могли иметь место в Центральной (Внутренней) Азии, под которой следует понимать обширную историко-этнографическую область, охватывающую Южную Сибирь, Алтае-Саянское нагорье, Монголию, Прибайкалье и Забайкалье, так как исторические судьбы населявших эти территории народов были теснейшим образом переплетены, что бесспорно доказывается результатами изучения археологических памятников, краниологического материала, а для более поздних эпох — и историческими свидетельствами нарративных источников. Следовательно, с позиции истории народов, культур и языков Центральная (Внутренняя) Азия представляет собою огромную историко-этнографическую область, этноглоптогенез населения которой был переплетен самым теснейшим образом на протяжении весьма длительного периода времени.

Перед исследователями проблемы доисторических индоиранско-прототюркских этнолингвистических взаимоотношений встает ряд кардинальных вопросов первостепенной важности: когда могли иметь место эти контакты; где, в каком конкретном регионе они могли осуществляться; какой характер (контактно-интерстратный, субстратно-адстратно-суперстратный, прямой или опосредованный) они носили; какова была их направленность; какие стороны хозяйственно-экономической жизни они затрагивали и т.д., и т.п.

Для освещения этих вопросов современная наука располагает данными пяти родов: 1) лингвистическими; 2) археологическими; 3) антропологическими (краниологическими);

4) нарративными (исторические свидетельства китайских источников); 5) фольклорными (данными тюркской и иранской фольклорных традиций). Данные последних двух категорий источников (исторические и фольклорные) могут иметь лишь вспомогательное значение, поскольку они датируются слишком поздним временем по сравнению с фактами первых трех категорий источников. Таким образом, основная тяжесть ложится на лингвистические, археологические и антропологические данные.

В настоящее время в тюркских языках выявлено в общей сложности около 400 лексических единиц предположительно индоиранского и//или (восточно)иранского происхождения²¹, из них добрая половина смело может быть отнесена к праязыковой (доисторической) эпохе. Первичный распад прототюркской этноязыковой общности на две фратрии²² — огузскую и огурскую — условно датируется приблизительно серединой I тысячелетия до н.э. Характер иранско-тюркских языковых контактов требует дальнейшего детального изучения, но уже сейчас можно определенно утверждать, что большинство иранских лексических заимствований в тюркских языках носит контактно-интерстратное происхождение, но в огурской фратрии сравнительно высока доля лексических, морфологических и иных языковых единиц иранского происхождения субстратного характера.

Прародина тюркских народов традиционно локализуется в Центральной (Внутренней) Азии, а конкретнее — в Монголии и Забайкалье. После первичного распада прототюркской общности и ухода огурских племен на запад, в районы Семиречья, огузская фратрия в хуннскую эпоху расселяется в Западной Монголии и далее, доходя до Алтае-Саянского нагорья. Следовательно, именно в этих регионах следует искать места возможных доисторических иранско-тюркских контактов. Для более точной хронологической стратификации лингвистических явлений приходится обращаться к археологическим и антропологическим свидетельствам.

Обширная центральноазиатская историко-этнографическая область в археологическом и антропологическом отношениях с древнейших времен четко подразделяется на два региона — восточный и западный, граница между которыми, начиная с эпохи неолита и вплоть до таштыкско-гунн-

ской эпохи, проходила по центральным районам Монголии в меридиональном направлении с севера на юг. Работы отечественных и монгольских антропологов (Г.Ф.Дебеца, В.П.Алексеева, Д.Тумэн и особенно Н.Н.Мамоновой) позволяют говорить о существовании в Центральной (Внутренней) Азии уже в III тысячелетии до н.э. двух групп населения, резко отличающихся друг от друга: монголоидной расы на востоке и европеоидной — на западе данной историко-этнографической области²³, причем такое положение сохраняется почти до рубежа новой эры. В силу бесспорно существовавшей в течение многих веков межрасовой метисации граница расселения племен разных рас не может быть прослежена достаточно четко. Тем не менее уже сейчас можно сказать, что в восточном регионе обитали монголоидные племена, оставившие культуру плиточных могил, а на западе, по крайней мере уже с андроновской эпохи, — племена, принадлежавшие к европеоидной расе, оставившие серию близкородственных археологических культур, таких, как андроновская (XVI—XIV вв. до н.э.), лугавская (XIII—X вв. до н.э.), карасукская (XIII—XI вв. до н.э.), тагарская (VIII—I вв. до н.э.), уюкская (VII—III вв. до н.э.), пазырыкская (VI—IV вв. до н.э.), саглынская (V—III вв. до н.э.), таштыкская (II в. до н.э.—II в. н.э.) и др.²⁴ При этом важно учитывать тот факт, что носители всех этих культур обширных степей Западной и Южной Сибири, Казахстана и Западной Монголии всеми исследователями вполне обоснованно признаются ираноязычными племенами, а монголоидное по расовому признаку население восточного региона, охватывающего часть Хангая, Хэнтэй, степные просторы Восточной Монголии и Забайкалья, где с эпохи неолита и до начала эпохи железа развивалась культура плиточных могил, по совокупности археологических и антропологических признаков, обычно отождествляется с прототюрками. Судя по археологическим и краниологическим материалам, взаимные контакты между монголоидным населением восточного региона и европеоидными этническими группами западного начались еще в карасукскую эпоху (XIII—XI вв. до н.э.) и все более интенсифицировались в последующее время, доходя до апогея в таштыкскую эпоху. Таким образом выясняется, что активные иранско-тюркские этнокультурные и языковые контакты продолжались на протя-

жении всего I тысячелетия до н.э. Именно в этот период в степях Монголии развивается кочевое скотоводство, и в конце I тысячелетия в недрах культуры плиточных могил в данном регионе вызревает культура ранних кочевников. Установлено, что большая часть названий домашних животных в тюркских языках имеет (индо)иранское и восточноиранское происхождение, а это свидетельствует о том, что в переходе прототюрков от охотничье-собирательской системы хозяйства к скотоводческой решающую роль сыграли западные ираноязычные соседи. В связи с переходом прототюрков к кочевому скотоводству появился оседланный конь, а это ускорило передвижение людей, активизировало межэтнические контакты, что в свою очередь повлекло за собой усиленный процесс взаимопроникновения культур и метисации населения.

В свое время автором данного сообщения было высказано предположение о том, что первичный распад прототюркского этноязыкового единства на две фратрии — огузскую и огурскую — был вызван революционными изменениями, происходившими в хозяйственно-экономическом укладе жизни прототюркских племен на рубеже II—I тысячелетий до н.э.²⁵ Именно в это время до Центральной Монголии докатываются волны кочевых индоиранских племен скорее всего восточноиранского круга, и прототюрки начинают заимствовать у них культуру скотоводства²⁶.

Первыми экстенсивное скотоводство начали осваивать, очевидно, племена, обитавшие на крайней западной периферии прототюркской ойкумены. Оказавшись в непосредственном соседстве с восточноиранскими номадами, население западной окраины территории распространения культуры плиточных могил вступило в тесные контакты с ираноязычными западными соседями (в археологическом аспекте — с карасукцами, тагарцами и др.) и усвоило культуру кочевого скотоводства. Переход к производящему типу хозяйственно-экономической жизни имел революционное значение и привел к демографическому взрыву. Историками и этнологами установлено, что охотнику-собирателю для нормальной жизнедеятельности требуется не менее 20 км² территории на душу населения, а скотоводу достаточно и 1 км². К тому же еще надо учитывать, что жизненное благополучие охот-

ника-собирателя во многом зависит от случая и удачи, а номад всегда имеет под руками высококалорийную пищу, что приводит к быстрому росту численности населения. Демографический взрыв, вызванный переходом прототюрков к кочевому скотоводству, превратил Центральную Азию в «вулкан народов» и за несколько столетий до выхода на арену истории гуннов положил начало Великому переселению народов. Начиная с рубежа новой эры Центральная Азия начинает выбрасывать на запад волну за волной группы тюркоязычных этносов — оногуров, болгар, гуннов, печенегов, тюрков (гузов), хазар, кыпчаков (куман, половцев) и, наконец, монголов. Первую волну кочевников, дошедших до западных границ степи в Юго-Восточной Европе, составили огурские (оногуры, сарыгуры, кутригуры, утригуры, болгары) и гуннские племена. Отсюда вытекает резонное предположение о том, что именно предки огуро-болгарских племен в I тысячелетии до н.э. обитали на западной периферии прототюркской ойкумены, и именно они первыми из «плиточников» освоили скотоводческую культуру. Этот постулат подтверждается также и тем, что терминология развитого животноводства во всех монгольских языках и диалектах в своей основе состоит из тюркских заимствований с четко выраженными болгаро-чувашскими фонетическими и морфологическими признаками²⁷. Общемонгольский характер этого пласта лексики указывает на то, что он был заимствован еще до распада прамонгольской общности на отдельные этнолингвистические трибы. В эпоху возвышения монголов лексика, связанная с развитым животноводством, из монгольских языков начинает проникать в тунгусско-маньчжурские языки. Следовательно, огурские племена уже на центральноазиатской прародине стали классическими номадами. Все это свидетельствует о чрезвычайно активном характере взаимоотношений между западной периферийной группой прототюрков и восточными ираноязычными племенами. Надо полагать, что первоначальные интерстратно-контактные иранско-тюркские взаимоотношения к середине I тысячелетия до н.э. постепенно переросли в субстратно-аустратно-суперстратные. Усвоив скотоводческую культуру, западная периферийная часть плиточников к этому времени сильно разрослась по численности населения и, из-за необходимости новых паст-

бищ, начала миграцию на запад, на территории ираноязычных соседей. Видимо, в результате наслоения стандартного тюркского языка огузского типа на восточноиранский субстрат в недрах прототюркской общности сложился диалект огурского (булгаро-чувашского) типа с характерным ротацизмом и ламбдацизмом (этноним *огур* представляет собой не что иное, как ротацированный вариант стандартного тюркского этнонима *огуз*). Такие резкие сдвиги в фонетической системе, как дивергенция $z \leftrightarrow r$ и $\check{s} \leftrightarrow l$, обычно не возникают спонтанно, а развиваются при наложении одного иносистемного языка на другой как результат приспособления звуков суперстратного языка к произносительному узусу субстратного языка. Кстати, булгаро-чувашские (алтайские) ротацизм и ламбдацизм, несмотря на неоднократные попытки, до сих пор не получили какого-нибудь приемлемого объяснения. Между тем предполагаемое объяснение природы булгаро-чувашского ротацизма и ламбдацизма представляется наиболее логичным и свободным от противоречий.

Таким образом, на основе анализа совокупности лингвистических, археологических и антропологических материалов выясняется, что где-то в середине I тысячелетия до н.э. в Центральной (Внутренней) Азии, конкретнее — в районе Западной Монголии, в результате симбиоза прототюркских (скорее всего — огузских) и иранских (скорее всего — восточноиранских) племен образовался новый тюркоязычный этнос, говорящий на *r*-диалекте булгаро-чувашского типа, и вступил на арену истории под названием *огуры*²⁸. Из этого постулата резонно возникает вопрос: а нельзя ли увязать этих новоявленных огуров с какой-нибудь конкретной археологической культурой?

В этой связи представляет определенный интерес открытая в 1972 году на северо-западе Монголии улангомская (или, по терминологии А.П.Деревянко, чандманьская) археологическая культура, которую монгольские археологи (Д.Цэвэндорж, Д.Наваан) датируют VII—III вв. до н.э., а отечественные исследователи более осторожно — V—III вв. до н.э. Показательно, что на территории ранних памятников улангомской культуры проживало европеоидное население с небольшой монголоидной примесью, причем краниологический материал обнаруживает наибольшее сходство с тагар-

ской серией Тывы (тагарцев обычно отождествляют с динлинами китайских источников), хотя археологи полагают, что улангомская культура сложилась на базе предшествовавшей карасукской. При дальнейшем развитии улангомской культуры все сильнее наблюдается проникновение восточных монголоидов в среду Улангома. Интересная закономерность прослежена антропологами: чем позднее датируется археологический памятник, тем сильнее проявляется монголоидная примесь. На территории улангомской культуры удастся проследить полную смену европеоидного населения монголоидными «плиточниками». Вместе с тем на востоке Монголии культура плиточных могил сохраняла свои особенности вплоть до рубежа новой эры. Все это позволяет связать культуру плиточных могил с пратюрками, а улангомскую культуру — с отделившимися от них огурами.

В Чандманьскую долину, где расположены основные памятники улангомской культуры, во II в. до н.э. вторглись сюнну (хунну), однако «улангомцы» не растворились среди них: известны их некрополи в горах Тывы и Алтая, абсолютно идентичные монгольским (в сугубо географическом смысле). Эти некрополи появились там ранее II в. до н.э.²⁹, что свидетельствует о начале миграции огуров на запад еще до экспансии сюнну (хуннов) на их территорию. Вторжение сюнну лишь ускорило процесс переселения огурских племен (археологически — поздних улангомцев) на запад, в Саяно-Алтайское нагорье, а затем и далее — в Восточный Казахстан, в район Семиречья.

В связи со сказанным важное значение имеет решение вопроса об этническом составе и языковой принадлежности носителей пазырыкской культуры. Тесные связи пазырыкской культуры в целом с культурой саков, наличие сакского компонента в генезисе пазырыкцев, а также присутствие иранской топонимии на Алтае, которые, очевидно, носят реликтовый характер, дают основания предполагать, что основная часть пазырыкцев была ираноязычной. Вместе с тем заслуживает самого пристального внимания следующее высказывание В.А.Могильникова: «...Даже если пазырыкцы были иранцами, можно говорить о проникновении тюркской речи на Алтай уже в I тыс. до н.э., на что указывает неоднородность населения Алтая и присутствие монголоидного компонента в

среде пазырыкцев»³⁰. В догуннскую эпоху в районы Алтайского нагорья, насколько можно судить по известным материалам, могли проникнуть только огуры, так как пратюрки тогда оставались в ареале культуры плиточных могил — в Восточной Монголии и Забайкалье. В этой связи чрезвычайно интересно также осторожное замечание В.А.Могильникова о том, что уже в догуннскую эпоху на Алтай «мигрировали сначала европеоидные группы, населявшие Западную Монголию и связанные, вероятно, генетически с этносом предшествовавшей чандманьской (т.е. улангомской. — Н.Е.) культуры. Эти европеоиды могли быть уже тюркоязычными»³¹. Разумеется, оставшаяся в Западной Монголии часть улангомского населения в период существования государства сюнну («Империи хунну») подвергалась дальнейшей метисации, но еще долго сохраняла свою самобытность. Оставшиеся на центрально-азиатской прародине огурские племена, судя по всему, продолжали там вплоть до эпохи возвышения монголов, и только несколько позднее они растворились среди монголов и влились в состав ойратов, передав им свой этноним.

Откочевавшие на запад группы огурских племен в первых веках новой эры в районе Семиречья образовали оногурскую федерацию племен. Вторжение сюнну в район Семиречья вынудило оногуро-сабирские племена откочевать далее на запад вдоль Сырдарьи. В IV веке н.э. оногуро-булгарские племена появляются уже в Юго-Восточной Европе³², но это уже новая тема, требующая особого внимания.

Ограниченность объема данного сообщения не дает автору возможности более подробно аргументировать и фундаментировать конкретным материалом высказанные здесь положения и идеи. Проблема древнейших ирано-чувашских этноязыковых контактов, впервые поставленная старейшиной чувашского языкознания Н.А.Андреевым (Урхи), требует углубленного изучения и монографического описания с привлечением самого широкого круга всех доступных современной гуманитарной науке источников и ждет своего исследователя.

Л и т е р а т у р а

¹ Андреев Н.А. (Урхи). Иранско-чувашские этнокультурные и языковые параллели // Чувашский язык и литература / Труды ЧНИИ. Вып. 59. Чебоксары, 1975. С. 91—113; он же. Иранская сословная терминология и

отражение ее в чувашской ономастике //Проблемы исторической лексикологии чувашского языка /Труды ЧНИИ. Вып. 97. Чебоксары, 1980. С. 14—18; он же. Ирано-чувашские этнические и культурные связи по данным ономастики //Исследования по этимологии и фразеологии чувашского языка /Труды ЧНИИ. Вып. 98. Чебоксары, 1980. С. 22—48.

² *Сбоев В.А.* Чуваша в бытовом, историческом и религиозном отношении, их происхождение, язык, обряды, поверья, предания и пр. М.: Типогр. С. Орлова, 1865. С. 169; *Егоров В.Г.* Введение в изучение чувашского языка. М.: Центр. изд-во народов СССР, 1930. С. 67—70; он же. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. Ч. 1. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1954. С. 117—118; *Феготов М.Р.* Об арабских и персидских заимствованиях в чувашском языке (Лексико-семантический обзор и словарь)//Вопросы чувашского языкознания и литературоведения /Учен. зап. ЧНИИ. Вып. 26. Чебоксары, 1963. С. 89—124; *Скворцов М.И.* Еще раз об арабско-персидском вкладе в чувашскую лексику //Учен. зап. ЧНИИ. Вып. 39: Филология. Чебоксары, 1969. С. 139—155; *Scherner B.* Arabische und neupersische Lehnwörter im Tschuwaschischen: Versuch einer Chronologie ihrer Lautveränderungen. Wiesbaden: Franz Steiner verlag GMBH, 1977. 231 S.

³ *Андреев Н.А.* Иранско-чувашские этнокультурные и языковые параллели. С. 91—92.

⁴ Там же. С. 92.

⁵ *Рона-Таш А.* Общее наследие или заимствования?//Вопросы языкознания, 1974. №2. С. 31—45; *Щербак А.М.* Ранние тюрско-монгольские языковые связи (VIII—XIV вв.). СПб.: ИЛИ РАН, 1997. 292 с.

⁶ *Кононов А.Н.* Грамматика тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л.: Наука, 1980. С. 147; Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология. М.: Наука, 1988. С. 12—13; *Санжеев Г.Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. М., 1953. Т. 1. С. 129—130.

⁷ Примеры см.: *Егоров Н.И., Егоров Э.Н.* Древнейшие индоевропейские (индоиранские и восточноиранские) лексические заимствования в пратюркском и проблемы ранних этапов этнолингвогенеза огузов (протобулгар) //Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики, 2001. №3/2000-№1/2001. С. 185—204.

⁸ Межъязыковые параллели подробнее см. там же. С. 187—198.

⁹ *Окладников А.П.* История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ, 1951. Т. 1. С. 79—82; *Диков Н.Н.* Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958. С. 68—71; *Новгородова Э.Н.* Древняя Монголия: Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры, 1989. С. 238—254.

¹⁰ *Волков В.В.* Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор, 1967. С. 91—92.

¹¹ *Андреев Н.А.* Иранско-чувашские этнокультурные и языковые параллели. С. 92.

¹² *Расторгуева В.С., Эгельман Д.И.* Этимологический словарь иранских языков. М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра» РАН, 2000. Т. 1. С. 154—155.

¹³ *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л.: Наука, 1989. Т. IV. С. 196; *Эгельман Д.И.* Сравнительная грамматика восточноиранских языков: Морфология. Элементы синтаксиса. М.: Наука, 1999. С. 62; *Пахалина Т.Н.* Сравнительно-историческая морфология памир-

ских языков. М.: Наука, 1989. С. 56—58.

¹⁴ *Добродомов И.Г.* Отражение двух разновидностей ротацизма в болгарских заимствованиях славянских языков // Вопросы языкознания, 1974. №4.

¹⁵ *Менгес К.Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л.: Наука, Ленингр. отд., 1979. С. 132—136.

¹⁶ *Scherger V.* Op. cit.

¹⁷ «Древнетюркский словарь» (Л.: Наука, Ленингр. отд., 1969. С. 11) отмечает это слово в Турфанских текстах и «Кутадгу билиг» (1069—1070 гг.).

¹⁸ *Андреев Н.А.* Иранско-чувашиские этнокультурные и языковые параллели. С. 92.

¹⁹ *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 1. С. 305—306.

²⁰ *Андреев Н.А.* Иранско-чувашиские этнокультурные и языковые параллели. С. 92.

²¹ *Егоров Н.И., Егоров Э.Н.* Цит. работа.

²² Термин В.И.Дынина; см. *Дынин В.И.* Этнолингвистическая классификация: проблемы таксономии и терминологии // Этнографическое обозрение, 2002. №1. С. 30—40.

²³ *Алексеев В.П., Гохман И.И., Тумэн Д.* Краткий очерк палеантропологии Центральной Азии (каменный век — эпоха раннего железа) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987. С. 208—241; *Дебец Г.Ф.* Палеоантропология СССР // Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. М.; Л., 1948. Т. 4; *Мамонова Н.Н.* Антропологический тип древнего населения Западной Монголии по данным палеоантропологии // Сборник МАЭ. Л., 1980. Вып. 36.

²⁴ Подробнее см.: Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992.

²⁵ Впервые эта идея автором данной статьи была оглашена в докладе «Древнеиранские заимствования в тюркских языках» на Третьем расширенном совещании по проблемам этимологии тюркских языков, прошедшем в Алма-Ате 28—30 мая 1986 года, и вызвала оживленную дискуссию.

²⁶ Подробнее см.: *Новгородова Э.А.* Древняя Монголия. М.: Наука; Гл. ред. вост. лит-ры, 1989; *Гришин Ю.С.* Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М.: Наука, 1981; *Шер Я.А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука; Гл. ред. вост. лит-ры, 1980 и др.

²⁷ *Рона-Таш А.* Общее наследие или заимствования? (К проблеме общности алтайских языков) // Вопросы языкознания, 1974. №2. С. 35—36.

²⁸ Подробнее см.: *Егоров Н.И.* Проблемы генетической и хронотопологической стратификации лексики чувашского языка и теория булгаро-чувашской этноязыковой преемственности. Алма-Ата, 1992. С. 29—32.

²⁹ *Новгородова Э.А.* Древняя Монголия. С. 257—321.

³⁰ *Могильников В.А.* Об истоках генезиса древнетюркской культуры // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996. С. 27.

³¹ Там же. С. 28.

³² См. *Егоров Н.И.* Оногуры, сабиры, булгары, угры и их взаимоотношения в первой половине I тысячелетия н.э. // Чувашский язык: История и этимология. Чебоксары, 1987. С. 16—31; *продолжение* // Исследования по этимологии и грамматике чувашского языка. Чебоксары, 1988. С. 3—18.

1. Куҗару историйё: Наум Урхипе «Фауст»

Наум Урхи (Н.А.Андреев) хай ёмёрёнче Алла яхән кёнеке куҗарнă. Ҷав шутра: политикăпа, ял хуҗалăхёпе, җут җанталăкпа җыхәннă литература, шукул кёнекисем (астрономи, географи, биологи учебникёсем) тата илемлё литература. Наум Андреевич А.Пушкина, Л.Толстоя, М.Шолохова, Р.Роллана, Гриммсене т.ыт. те «чăвашлатма» хутшăннă. Вăл куҗарнă хайлавсенчен чи кăсăкли тата чи кăткăсси — И.В.Гётен «Фаусчё».

Н.А.Андреев 1909—1910 җулсенче Чёмпёрти чăваш шукулёнче Шарль Гуно җырнă «Фауст» опера җыпăкёсене итленё, трагедине хайне вара 1918 җулта вуласа тухнă. Ик-виҗ җултан, куҗару комиссийёнче ёҗленё чухне, Наум Урхи «Фауста» чăвашлатма пикеннё. Тёслёх ырăнне вăл А.С.Пушкин редакциленё Э.Губер куҗарăвне тата А.Соколовский вариантне илнё. 7 җыпăклă сăвă виҗипе 5-мёш сцена таран сăвăлама мехел җитернё. Ҷав куҗару пирки Н.А.Андреев хай җапла аса илнё: «Унăн җитменлехёсем каламасăрах палă. Ҷавăнпа эпё а́на хамах пăрахăҗ турăм» [ЧПГЃИ НА, IV уйр., 580 упр. ед., 8 с.].

Кун хыҗҗан чылай вăхăт иртнё, «Фауста» чăвашлатма хал җитерекенсем тупăнман. Чёлхе аслăхёнче тата куҗару асталăхёнче сумлă ят илнё, җитмёле җитнё Наум Урхи каллах нимёҗ генийён вилёмсёр трагедийё патне таврăннă. Пёлетёр пулё: «Фауста» ырăсла чаплă поэтсем Фет, Брю-

сов, Пастернак т.ыт.те куҕарнă. Ҙапах та чылайăшĕ Н.А.Холодковский куҕарăвне — оригинала җывăхрах тесе — ытларах хаклаҗĕ. Ҙав җын поэт е философ пулман, Ҙар медицинин академийĕнче зоологи профессорĕ шуланнă. Анчах хăйĕн пултарулăхĕпе, тăрăшулăхĕпе «Фауста» ăнăҗлă куҕарма мехел җитернĕ. Ҙак тĕслĕх те Н.А.Андреева Гетен трагедийĕ патне тепре таврăнма хăйне май хавхалантарнă-тăр.

Наум Андреевич малтан Шекспирăн чăвашла куҕарăвĕсене — А.Алкан «Гамлетне», А.Кăлканăн «Отеллоне», П.Хусанкайăн «Ромеопа Джульеттине» тишкернĕ, Ш.Гуно җырнă «Фауст» оперăн либреттине хăнăхмалла тенĕ пек куҕарнă (1965 җ.). «Фауст» трагедие чăвашлатнă чухне вăл нимĕҗле оригинала тата Н.Холодковский куҕарăвне тĕпе хунă, унсăр пуҗне Соколовкин, Маклецовăн, Пастернакăн вырăсла вариантĕсемпе усă курнă. Куҕару ёҗĕ мĕнле пынине Наум Урхи каярах җапла аса илнĕ: «Пёрремĕш сцена куҕарăвне Петр Хусанкай икĕ хут пăхса тухрĕ: вăл тёрлĕ җёрте тўрлетрĕ, тёллĕн-тёллĕн улăштарчĕ, рифмăласси енĕпе кăтартусем пачĕ...» (ЧПГĂИ НА, IV уйр., 580 упр. ед., 8 с.).

И.В.Гёте хăйĕн «Фаусчĕпе» 60 җул хушши тăрмашнă, Наум Урхин те ăна чăвашлатма 11 җул кайнă. Ҙапах та «Фауст» куҕарăвĕ тулли пулайман: Наум Андреевич трагедин пёрремĕш пайне пётĕмпе тенĕ пекех куҕарнă (Вальпурги каҗĕпе җыхăннă 21-мĕшпе 22-мĕш сценăсене кăна кёртмен), иккĕмĕш пайĕнчен вара чи пёлтерёшлĕ җыпăксене кăна суйласа илнĕ (калăпăшне ултă хут кёскетнĕ, 2-мĕшпе 4-мĕш актсене пачах кăларнă). Куҕарăва литература тĕпчевҗисем В.Абашевпа М.Сироткин тата Н.Сандровпа Ю.Скворцов җыравҗасем тишкерсе сёнўсем панă. Тёрлĕ сăлтавсене пула куҕару тўрех пичетленеймен-ха. 1972 җулта Наум Урхи «Фаустăн» чăвашла вариантне — машинкăпа пичетлесе кёнеке пек тунăскере — Мир хўтёлевĕн Чăваш комитечĕ урлă Демократиллĕ Германи Республикине, Нимёҗ классикин тĕп библиотекине җитернĕ. Веймар хулинчи библиотекăн директорĕ Хеннинг доктор кун хыҗҗан Наум Андреевич патне җыру янă. Унта «Фауста» алă ытла чёлхепе куҕарнине палăртнă, Н.А.Андреева җĕнĕ җитёнўпе саламланă, тав тунă (ЧПГĂИ НА, IV уйр., 580 упр. ед., 6 с.).

Вилёмсёр трагедин чăвашла вариантĕ республикăн кёнеке издательствинче 1979 җулта пичетленсе тухнă. Ун чухне Гёте җуралнăранпа 230 җул, ГДРа никёсленĕренпе 30 җул җитнĕ.

«Фауст» чăвашла тухни пысăк пѐлтерѐшлѐ культура пулăмѐ пулнине РСФСР ҫыравҫисен VII съездѐнче палăртнă. Куҫару пирки рецензисем чăвашла, ырăсла, нимѐҫле тухнă. Пайăр-ласа каласан, Г.Н.Волковăн ГДРта («Weltbühne») тухнă стат-йине (ырăсла варианчѐ: Г.Волков. Педагогика жизни. Чебоксары, 1989. С. 243—246) тата Г.Ф.Юмартăн «Тăван Атăлти» тишкерѐвне (1980, 8 №, 75—78 с.) палăртмалла.

«Фауст» куҫарăвне лайăхлатма издательство енчен П.Эйзин хутшăннă. Ун патне ҫитиччен Александр Артемьевăн ал ҫырупа чылай тăрмашма тивнѐ. Кун пирки халăх писателѐн кун кѐнекинчен тѐплѐрех пѐлме пулать.

2. Куҫару чѐлхи. Ҫѐнѐ сăмахсемпе пѐлтерѐшсем

Наум Андреевич Андреев-Урхи пултарулла чѐлхеҫѐ, сăмах асти пулнă. XX ѐмѐрѐн варринче вăл литература чѐлхин нормисене йѐркелесе пынă, чăваш терминологийѐн аталану ҫул-йѐрне палăртнă. «Фауст» куҫарăвѐнче те Наум Урхин пултарулахѐ курăмлă. Илемѐпе тыткăнлакан, асра юлакан ырăнсем чăвашлатнă хайлавра сахал мар. Тѐслѐхрен, пуҫламăшне аса илер-ха:

Каллех, тѐтре сăнсем, асра вăрантăр,
Мана яш чух кăшт ҫеҫ курăннисем...
Манас ҫѐртен ума тухса каплантăр.
Сире мѐнле сăнлам-ши, мѐлкесем?
...Эсир халь куҫ умне кўрсе тăратрăр
Ыр кунсене, саван тусăмсене;
Яш туслăха, юратăва вăратрăр —
Юмахăн иртнѐ ыр туйăмсене...

Ёлккен те килѐшўллѐ йѐркесемпе пѐрлех, чăн та, аналҫ-сăртарах ырăнсемпе ҫитменлѐхсем те пур куҫарура. Калăпăр, хаш-пѐр аңлава сăлтавсăр тѐрлѐрен «ятлани» тата сăмахăн арасна варианчѐсемпе тѐлсѐр усă курни сисѐнет: *суг-йѐр ѐҫѐ* (41 с.) — *юриспруденци* (95 с.); *мăнакка ҫѐлен* (37 с.) — *ҫѐлен акай* (98 с.); *вийкăт* (131 с.) — *вайкăт* (176 с.); *судья* (205 с.) — *тўре* (206 с.); *пашне* (205 с.) — *башня* (207 с.); *пѐрлев* (212 с.) — *союз* (251 с.) т. ыт. те. Кун пек «икчѐлхелѐх» — куҫаруҫăпа редакторсен кăткăс хутшăнăвѐн палли-тѐр. Диалект тѐлѐшѐнчен вара виҫҫѐшѐн те (Наум Урхин, А.Артемьевăн, П.Эйзинăн) пѐр чѐлхе — Элѐк тăрăхѐ. Ҫавăнпа, тѐслѐхрен,

Гретхена та вёсем хайсен патёнчи пек калаштарасçё: *Итле, эс авят виçё пусă...* (193 с.); *Ма-ке тарас? Мана кётет хурал унтах...* (194 с.); *Ма-ке вайпах? Ан тив мана...* (195 с.). Чăвашла «Фауэтра» диалектизмсемпе тулăх усă курни (*айшатăн, мёрче, лёчик, сёвек кёперё, çурутă, тăмат, тăпа, тунахар, уйла, уймăл...*) илемлёх сăлтавё-тёллевёпе сыханман пек туйанать. Манăшнă сăмахсене (*ăрăм, ат, им, йăпăрка, хаман, хантсар, хёсмет, чём, янтар...*) чёртсе аваллăх сёмё кёртнё хайлавра вырăнсăр йышăнусем тўрех палăрасçё: *парус* (225 с.), *рыç* (206 с.), *светтуй* (94 с.), *совет* (202, 254 с.), *чисти* (86 с., 232 с.) т. ыт. те. Кун йышши ситменлёхсене тата тёрлёрен чёлхе йанашёсене (*камитçă; унăшкуран салам; эп хыврăм юрă сённине; Рим ёмпўне хўтёлесси...*) тишкерни халё ёнтё пёлтерешлё мар. Пётёмёшле илсен, чăвашла «Фауст» килёшўллё пулса тухнă, хăш-пёр йёркисем вара ёмёрсем якатнă каларăшсем пекех янăрасçё:

Ултавлă йăлтăрка пулать самантлăх,
Чан-чан илем юлать йăх аснмалăх. (28 с.)

Шыра таса чапа, хăвна тивёсline!
Ма амсанан камитçан намас калпакне? (47 с.)

Йёрки сáпла: кам вайлă, сáв тўрри,
Кёсье сёç пултăр тăп-тулли. (228 с.)

«Фауст» илемлёхне тăван чёлхе аслай-салайёпе уса пама, тёрлё анлавсене палартма кусаруçă сёнёлле сăмахсемпе майлашусем тупнă: *Тăвасçи* (35 с.) «Бог, творец»; *турпике* (120 с.) «ангел»; *тўр суд* (204 с.) «правосудие»; *суд-йёр ёçё* (41 с.) «юриспруденция»; *асам ёç* (42 с.) «магия»; *пёрлев* (212—213 с.) «союз»; *çи-этем* (45 с.) «сверхчеловек»; *кусламас* (205 с.) «зоркий»; *сырашка* (29 с.) «писака»; *турлат* (251 с.) «обожествить»; *чёрлёлхлё* (211 с.) «бессмертный» т. ыт. те.

«Фауэтра» (трагеди текстёнче тата ум сăмахпа анлантарусен пайёнче) -çă/-сё аффикс хушнипе асталанă сёнё сăмахсем — сынна палартакан ятсем — йышлă: *асканçă* (176 с.) — аскан сын; *куславçă* (206 с.) — сыхлавçă, хуралçă; *парамçă* (176 с.) — парамлă сын; *саванçă* (208 с.) — савни, еркён; *сайлавçă* (52 с.) — сайлакан, ханалакан сын; *тёрхлавçă* (14 с.) — йёкёлти, шал йёрен; *тёртўсё* (93 с.) — пир тёртекен, пир асти; *управçă* (240 с.) — ёç-пуса йёркелесе пыракан,

управляющи т. ыт. те.

Трагедин илемлӧх тӧртӧмӧнче е куҗаруҗа ӧнлантарӧ-вӧнче вырӧн тупнӧ җӧнӧ сӧмахсен тепӧр пысӧк ушкӧнӧ -у/-ӧ аффикс хушӧннипе җуралнӧ ятсем. Вӧсен йышӧнче: *аскӧну* (19 с.) — *аскӧнлӧх*, *ясарлӧх*; *ӧшкану* (48 с.) — *артак*, *рехет*, *киленӧ*; *вӧлту* (72 с.) — *шахвӧрту*, *ытарлӧх*; *манӧҗу* (254 с.) — *манӧҗа юлни*, *асран тухни*; *минретӧ* (124 с.) — *ӧнран яни*, *тӧнран кӧларни*; *пӧтӧ* (85 с., 205 с.) — *пӧчланни*, *путланни*, *вилни*; *пусахлу* (228 с.) — *пусахлани*, *хурах пусни*; *саву* (149 с.) — *савӧшу*, *юрату*.

«Фаустри» неологизмсен пӧр пайӧ — вулакан хӧнӧхнӧ сӧмахсен дериваци е лексика варианчӧсем. Анлӧ сарӧлнӧ сӧмаха сирсе җӧннине ӧсталани, тӧпрен илсен, куҗаруҗан илемлӧх тӧллевӧсемпе — оригиналӧн шалашӧпе тулашне тивӧҗлӧн кӧтартассипе — җыхӧннӧ-тӧр. җӧнӧлле хайланӧ сӧмахсен йышӧнче килӧшӧллисем те, ӧнӧҗсаррисем те пур; танл.: *ӧсчахҗа* (203 с.) — *ӧсчах*; *витӧмлет* (20 с., 251 с.) — «*витер*», «*витӧм кӧр*»; *мӧшкӧлавҗа* (251 с.) — *мӧшкӧлҗа*; *пусахҗа* (22 с.) — *пумӧрҗа*, *пусахлакан җын*; *сискӧн* (170 с.) — *сисӧмлӧ*, *сирек*; *җитлӧх* (211 с.) — *җителӧк*, *җителӧклӧх*; *хӧтлану* (60 с.) — *хӧтланӧш*, *хӧтланчӧк*; *яшлат* (115 с.) — *яшлантар*. Наум Урхи «Фаустра» усӧ курнӧ хӧш-пӧр сӧмаха ӧлӧкхи словарьсенче кӧна тупма пулать; танл. *йӧпав «утеха (?)»* [Ашмарин, V, 79 с.] — *Калех чуну йӧпав ыйтать* [«Фауст», 160 с.]; *кивпитти «ветошь, тряпье»* [Ашмарин, VI, 195 с.] — *Ку япала чӧнах та сан умра — Киревсӧр кивпитти җӧпҗи вара...* [«Фауст», 48 с.]; *саккунсӧрлӧх «беззаконие, произвол»* [В.Г.Егоров, ЧВС, 1936, 400 с.] — *Саккунсӧрлӧх, саккунлӧ пек пулса, Усал ӧҗсем тӧвать патшалӧхра* [«Фауст», 204 с.]; *сӧка «женщина развратного поведения»* [Ашмарин, XI, 241 с.] — *Вара хула сӧки пулса тӧран, җын намӧсӧ...* [«Фауст», 180 с.]; *управҗа «название божества (покровитель)»* [Ашмарин, III, 257 с.] — *Пан — вӧрман турри, кӧтӧсен управҗи* [«Фауст», 255 с.].

Вулакана паллӧ мар сӧр сӧмах, тӧслӧхрен, трагеди куҗарӧвӧнче виҗӧ тӧрлӧ пӧлтерӧшпе тӧл пулать:

1) «*вӧрттӧнлӧх*»: *Кашни [чечек] папакӧнче ӧп сӧр шыранӧ* (31 с.);

2) «*вӧрттӧн*»: *Яшлатма пултаракан чӧн тӧрӧс сӧр меслет* (116 с.);

3) «*кӧмӧл*»: *Ак җакӧ манӧн улшӧнман сӧр* (73 с.) җавӧнпа

кусарушан а́на кашнинчех страница вёсё́нче а́нлантарса пама тивет.

Сәмахсен пёр пайне Наум Урхи словарьте сирёплетнё пёлтерёшпе явәстарман, сёнё пёлтерёш, сёнё сём кунё. Пёлёш сәмахсен сёнё ашләхне сәнама кәсәклә:

пуләм «явление» [ЧВС, 1961, 290 с.] — пуләм «бытие» [«Фауст», 14 с.]: Сәмаха... пуләм (бытие) никёсё теме пулатьши?

Тасату «чистка, проверка» [ЧВС, 1961, 391 с.] — тасату «чистилище» [«Фауст», 250 с.]: Вилнё сыннан чунёшён тутарна кашни панихига тасату вутёнче сунас вәхәта кёскетсе пырать.

Тёшё «зерно, ядро» [ЧВС, 1961, 425 с.] — тёшё «суть, сущность» [«Фауст», 72 с.]: Пәхмасть япаласенён тулашне вусех, шырать вёсенён тёшшине кәна.

Хушмач «вставка (у одежды)», «деревянный брусок, рейка» [ЧВС, 1961, 515 с.] — хушмач «припев» [«Фауст», 102 с.]: Эпё хыврам юрә сённине, Ман хысқан юрләр хушмачне.

Чуптар «ездить рысью», «отправляться» [ЧВС, 1961, 543 с.] — чуптар «рассыльный» [«Фауст», 249 с.]: Унан [шуйттанан] чуптар вырәнне икё сәхан пулнә.

Чысләх «опрятность, аккуратность», «вежливость» [ЧВС, 1961, 545 с.] — чысләх «почести, почет» [«Фауст», 206 с.]: Хисеплө хәнана эп чысләх куремерём.

Шәпәрлан «озорник, шалун», «прохвост» [ЧВС, 1961, 559 с.] — шәпәрлан «шарлатан» [«Фауст», 104 с.]: Шәпәрлансем пуль-ха вёсем, хәматсем! («Заведомые шарлатаны...»).

Шыравсә «искатель», «представитель» [ЧВС, 1961, 571 с.] — шыравсә «истец» [«Фауст», 205 с.]: Шыравсә судан суртёнче тәрать («В суде стоят истцы...»).

Ясар «распутный, развратный» [ЧВС, 1961, 591 с.] — ясар «чувственный», «плотский» [«Фауст», 162 с.]: Ман юрату тамална чөрере Ясар шухәшсене ма вәратан?

Чәвашла «Фауста» эпё тәван чөлхери сәмахсен шәпине йёрленё май тишкертём (хаман малтанхи статьясене аса илтеретёп: «Сәмахсен шәпи: сёнетү, хәвәртлату, усқанләх...» (1999); «Сухална сәмахсен йөрөпе...» (2000) т.ыт.). Илемлө кусарәва пётёмёшле хакласси вара литература тёпчевсисен касаләкё пултәр.

И. В. ГЕТЕ

Фауст

Трагедия

Хисетие Аннер Петровна
Мусанская — ашше Потер
Мусанскай мана док траге-
дие Кударма тилесе Чав-
ханактарнайман ара суса.

Чăваш кĕнеке издательствин
Шупашкар — 1979

Н.А.Хузангаю

17. X. 798.

Титульный лист перевода «Фауста» И.В.Гёте
[с посвящением А.П.Хузангаю].

Перед отъездом в ГДР я долго беседовал с Урхи. Это — литературный псевдоним чувашского лингвиста, поэта, писателя, журналиста, учителя, переводчика Наума Андреева. Посетил я старого ученого и поэта в торжественные для него и для чувашской культуры дни: к 30-летию ГДР и 230-летию со дня рождения Гете вышла из печати трагедия «Фауст» в его переводе. На торжественных вечерах, посвященных этим событиям, уже широко пользовались новой книгой.

Раньше «Фауст» на чувашском языке печатался в отрывках. Сейчас перед нами академическое издание трагедии с прекрасным очерком о жизни и деятельности Гете, с блестящими, строго научными комментариями к трагедии. Все это — дело жизни Наума Андреева, результат его многолетнего вдохновенного труда.

Издание «Фауста», действительно, знаменательное событие в культурной жизни чувашского народа. Дело в том, что предпринимались многочисленные попытки перевести эту трагедию, но они не были удачны и редкие доведены были до конца. Примечательно, что Наум Андреев искал лексические соответствия, находил параллели, стараясь приблизить чувашский текст к подлиннику. Между прочим, это имеет очень важное значение

* В «Weltbühne» опубликовано под названием «Дело жизни Наума Андреева».

и для развития чувашского языка: в постраничных сносках, разъяснениях, а также в обстоятельных комментариях в конце книги встречаются древние и старые чувашские слова, которые почти забыты или употребляются очень редко. В контексте гениального творения Гете они получили новый смысл, новое звучание и заново возродились к жизни, обогащая тем самым современный чувашский язык. Надо прямо сказать, что изыскания поэта-переводчика поражают воображение и размахом своим, и глубиной. В заключительных примечаниях анализируются спорные или особо сложные места в переводах русских поэтов, сравниваются идиоматические, фразеологические места с существующими русскими текстами трагедии, сопоставляются с чувашскими пословицами, народными афоризмами, приводятся немецко-чувашские параллели, наиболее близкие по смыслу и поэтическому восприятию. Духовно-нравственная общность народов подчеркивается в этих примечаниях в максимальной мере.

К тексту «Фауста» первые чувашские классики обращались еще сто лет назад. Так, Никифор Охотников, которого в свое время молодой гимназист Володя Ульянов (В.И. Ленин) подготовил для поступления в университет, выяснял многие детали, связанные с поэтическими, этнографическими, историческими особенностями трагедии. Его глубоко интересовали и персонажи, и события. Сохранилась записка Никифора Охотникова, в которой содержится вопрос к Володе Ульянову о гвельфах и гибеллинах. Однако самым талантливым чувашским поэтам не суждено было справиться с этой многотрудной задачей. И дело не только в том, что порою явно не хватало поэтической и общей культуры, но чаще всего не доставало лет: поэты умирали, не достигая подчас и тридцати лет.

Науму Андрееву удалось сделать то, что до него не удавалось никому. В этом ему помогла, кроме легендарного трудолюбия, бесспорного таланта и незаурядного поэтического дара, и долгая жизнь.

Наум Андреев родился в голодный 1891 год в бедной крестьянской семье. Четырех лет остался сиротой. В страшной нужде тянулся к свету, образованию. В 1913 году ему удалось при первой Симбирской мужской гимназии (в той

самой, которую в 1887 году с золотой медалью окончил В.И. Ленин) экстерном сдать экзамен на право учителя. Еще до революции почти самостоятельно, при небольшой поддержке и помощи преподавателей Симбирской чувашской учительской школы, Науму Андрееву удалось изучить латынь, немецкий и французский языки.

Знание языков позволило начинающему журналисту и переводчику в подлинниках прочесть Эрнста Геккеля («Естественная история миротворения», «Мировые загадки»). Он внимательно изучает его монистическую теорию и в 1914 году в связи с 80-летием воинствующего материалиста-дарвиниста делает свой первый научный доклад о нем. Это было для Наума Андреева важным событием в жизни, раз о нем он пишет в небольшой автобиографии.

Первой работой Наума Андреева по переводу научных книг была «Популярная астрономия» французского астронома Камилла Фламариона. Затем было много других книг и переводов, в том числе по анатомии, физиологии, медицине — все это расширяло кругозор поэта, благоприятствовало тому, что он в конце концов оказался в состоянии разобраться в научных изысканиях не только Фауста, но и самого Гете.

Февральскую революцию Наум Андреев встречает в Минске, где под руководством Михаила Фрунзе участвует в ликвидации царской власти. Великий Октябрь создал условия Науму Андрееву для того, чтобы отдаться изучению, исследованию и переводу давно полюбившегося ему Гете. На перевод «Фауста» у него ушло почти сорок лет труда. Он брался за перевод, бросал его. Иногда ему казалось, что это невозможно, непосильно для него. Однако не сдавался и опять возобновлял трудную, но увлекательную работу. За это время он успел опубликовать свыше десяти книг по чувашскому языку, он — общепризнанный авторитет в этой области. И всю свою долгую жизнь не переставал совершенствовать знания по немецкому языку. Иоганн Вольфганг Гете прочно вошел в жизнь Наума Андреева, раз он автобиографию начинает не с отца и матери, а с Гете. Он пишет: «Великий немецкий поэт и мыслитель И.-В. Гете в своей автобиографической книге «Правда и поэзия моей жизни» сравнивает жизнь человека с колесницей, запряженной в тройку борзых коней. Эта тройка, управляемая возницей, несется в дрему-

чем лесу среди деревьев и пней. «Счастлив тот, — говорит он, — кто, искусно управляя мчащимися лошадьми, охраняет свою колесницу и не зацепит за деревья и пни. Если зацепит — пропал!»

Далее Наум Андреев продолжает: «Возможно, что Гете характеризует так жизнь великих людей. Моя жизнь, жизнь обыкновенного человека, оказалась иной. Первый период моей жизни похож на движение простой крестьянской телеги, запряженной простой крестьянской лошадежкой, понукаемой темной крестьянкой, которая своими слабеющими руками едва держала вожжи. Она родила и по воле судьбы оставила своего дорогого беззащитного сына, надеясь на милость природы и добрых людей».

Прощаясь со мной, провожая меня в ГДР, вручая мне чувашский экземпляр «Фауста», Наум Андреев сказал: «Не зная в подлиннике всего Гете, невозможно не только перевести, но и просто понять «Фауста». Однако я не думаю, что можно знать всего Гете, если даже прожить больше него, ибо Гете — это целый мир».

Трудна была судьба этого человека и тем большую благодарность вызывает его подвижничество. Думаю, что то, что им сделано, — событие не только в его жизни и не только в истории его народа, но и других народов. Благодарная любовь народа сполна наградила Наума Андреева за то, что он ни на минуту не забывал своего долга перед соплеменниками.

[Педагогика жизни. Чебоксары, 1989. С. 243—246.]

Наум Андреевич Андреев (Урхи) ӓсчах тӢр-
лӢ енлӢ аталанна сын пулнине, чӑваш
чӢлхине нумай енчен тӢпченине пӢлетпӢр. Вӑл
чӢлхе пӢлӢвӢн ытти ытӑвӢсемпе ӢсленӢ май
чӑваш чӢлхин нисеп лексикине тӢпченине «Чӑваш
чӢлхин стилистики» ӢсӢн висӢ пайӢнче те асӑнна
темӑпа сыхӑнна самантсем, сыпӑксем пурринчен
куратпӑр.

Асӑнна ӢсӢн «Сӑмахсене эмоци сӢмӢ енчен
пӑхса хаклани» уйрӑмӢнче «Ачаш сӑмахсем» сы-
пӑк пур. Ӑсчах шухӑшӢпе, «ку сӑмахсене ачаш-
ланине, юратнине, ырланине, хисепленине кӑтар-
тас пулсан калащӢ. Сӑмахран: *аттесӢм, аннесӢм,
аннемсӢм... ыра сыннаӑм, чунсӑм... савна тусӑм...
пепкем.*

«— Ан макӑр, *савна маӑраӑм... Ылтӑнаӑм,*
— терӢ» (А. Арт.). Кунта *савна маӑраӑм, ылтӑнаӑм*
— калашу сӑмахӢсем, вӢсем ачашласа каланине
усӑӑн кӑтартащӢ» (Андреев, 1958, 107). Сакӑн евӢр
сӑмахсем «уйрӑм лару-тӑрура, ситуацире кӑна вы-
рӑнлӑ, сепӢс, именӑсӢр те чарусӑр (тӑрккес) сӑ-
махсемпе те, ансат пуллевсемпе те ирӢклӢ усӑ
курма пултаракан калашу стилӢн сӑмахӢсем пулащӢ»
(Горшков, 1997, 63).

Наум Андреевич «Ачаш сӑмахсем» тесе ха-
кклан ушкӑнри сӑмахсем поэтсен хайлавӢсенче
нумай тӢл пулащӢ. Асӑнна ӢсӢнче Наум Урхи
И.Никитинӑн «Бурлак» сӑввинчи тӢслӢхе илсе па-
рать:

«Арӑм вилсесӢн кайран Манӑн мӢн пур

шанчăкăм, Сарă сўслĕ *ачамăм*, Пĕртен-пĕр *ывăлăмчĕ*» (Андреев, 1958, 107).

«Сăмахсене эмоци сĕмĕ енчен пăхса хаклани» уйрăмăн «Шўтлĕ сăмахсем» сыпăкĕнчи тĕслĕхсемпе калашу стилĕнче усă кураççĕ, «ку сăмахсем юморлă произведенийсемпе шўтлĕ калашусенче тĕл пулаççĕ. Вĕсем мĕне те пулин каяраха хунине, çав вăхăтрах ун çине кăмăлласа пăхнине кăтартаççĕ. Тĕслĕх:

«— Эсĕ халĕ те *вилмен-ске!*

— Лере *кĕнекеме сухатрĕç* пуль-и — черет çитмест те çитмест, — шўтленçи пулчĕ Лавраç.

— «Кĕнеке»... Тупнă сăмах! Пурăнас пулать, тăванăм, *хăйăр юхма пуçличчен*. Карчăк хамран малтан *месерле ял* кайсан, мĕн тетĕн, эпĕ тепре авланма та... хавас. Эсĕ пур — «кĕнеке».

— Ну, *кĕрекенелле* ирт, лар! — тет Трахвин кăшкăрса» (А. Арт.).

Ку — икĕ старик бужетра шўтлесе калашнинчен илнĕ татăк. Кунти *вилмен-ске, кĕнекеме сухатрĕç, хăйăр юхма пуçличчен, месерле ял, кĕреке* сăмахсем — калашу сăмахĕсем, вĕсене шўтлĕ сĕмпе каланă. *Лере кĕнекеме сухатрĕç* — мана манса кайрĕç тени пулать; *хăйăр юхать* — пит ватăлнă, йўтенĕ тенине пĕлтерет; *месерле ял* (çавăн пекех *автансăр ял, автан авăтман ял, сырма леш енчи ял* тесе калаççĕ. — А.К.) — çăва; *кĕрекенелле* — сĕтел хушшине, ёçме тенине пĕлтерет» (Андреев, 1958, 108). Ялти çынсен калаçăвĕнче час-часах *Эс халь те вилмен-и! Халь те пурнатна-ха! Эс халь те пурнатна!* (Тăрмăш, 2001) йышши сăмахсене илтетпĕр. Вĕсене кўрен-мелле сăмахсем пек хаклама пулать. Хăшĕ-пĕри чăнах та çил-ленет-кўренет. Тĕл пулнă чух пĕрне-пĕри çапла сывлăх сунасси авалтанах килет. Пĕлетпĕр ёнтĕ, чăвашăн ёлĕк сынна ятран чĕнме, хăш-пĕр чĕр чунсене, пулăмсене, япаласене хăй ячĕпе калама юраман (кашкăра *тукмак, тукмак хўре* тени, ятран чĕнес вырăнне тăванлăх терминĕсемпе усă курни (тĕслĕхрен, кўршĕри ватăсем аннене, ятне пĕлеççĕ пулин те, *Валери матки кин* тесе чĕнеççĕ) çаканпах çыхăннă). Урхин асаннă ёçёнчи *Эсĕ халĕ те вилмен-ске!* пуплев единици чăвашăн авалтан килекен йăлипе «куç ўкерес мар тесе тўнтерле калани пулать» (Егоров, 2000). Хальхи вăхăтра çакан евĕр «тўнтерле каланă» сăмахсемпе чăваш ачапа е ача çинчен калаçнă чух анлă усă курать. Тĕслĕх: *Тьфу! Сăнсăркка! Тьфу!*

Каккаскер! (Тәрмәш, 2000).

«Глагол формисемпе усă кураcси» уйрăмри «Пёрле калаçаканăн ёcне кăтартасcи» параграфра сырнипе килешўл-лён, «сăпайлă, хисепесе каланă чухне пёрреллэ хисеп форми вырăнне литература чёлхинче нумайлă хисеп формине калаç-çё... Тёслёхрен: *«Сирён дневнике эпё хăвăртан ыйтмасăрах вуласа тухрăм. Каçарăр... Эсир ан çилленёр мана, Вера Павловна... Эпё ытлашши хăюллă пулнăшăн та каçарăр»* (Андреев, 1964, 83). Çак пулăм ёлэк чăваш чёлхишён кăтар-туллă пулман. Чăваш пёр сынпа калаçнă чухне, въл аслăрах е кёçёнрех, пуçлăх е тан сын иккенне пăхмасăр, пёрреллэ хисеп формипе анчах усă курнă. XIX ёмёр вёçёнче—XX ёмёр пуçламăшёнче, чăваша «çутта кăларма», вырăс, анăç культу-рисене чăваш хушшинче сарма тытăнсан, хутла вёреннэ чăваш *эс, эсё* вырăнне *эсир* теме тытăннă.

Чăвашсем «ачашланă пек, кăмăл хушнă пек калас пул-сан, пёрреллэ хисепри 2-мёш сăпат вырăнне нумайлă хисепри 1-мёш сăпат формине калакалаççё... Çитённэ сынсемпе кун пек калаçни вёсем ытла çывăххине, е юри кăмăла çемсетнэ пек тунине, калаçăва ытлашши çепёçлетнине кăтартать» (Ан-дреев, 1964, 83). Çакна нисеп лексикин халăхра анлă сарăлнă тёслёхёсем çирёплетеççё: *«Ну, мёнле çывăртăмър? Мёнле сывлатпър? Мёнле сўретпър!»* (Андреев, 1964, 83).

«Наклоненисен синонимики» уйрăмри «Хушнипе йă-лăннине палăртасcи» пайра эфир «ёçе, ёмёте ытти сынсене тума хушнине, йăлăннине, чённине калаканэ хушу форми-семпе каласа пёлтерет. Çавсене каласа пёлтермелли тёп форма въл — хушу наклоненийё» (Андреев, 1964, 85) пулнине, унпа чăваш çак лару-тăрусенче усă курнине пёлетпёр:

«1) Тума хушнă чух çемсетсе калас пулсан, çаксене хуш-са калаççё: *атя, -ччё, -ха: Атя, килех, ирт кунтала. Эсё мана татах ыйтнăшăн ан кўренччё! Ун чухнехи ёçсем син-чен тёплёрех каласа пар-ха эппин* (Кр.-Асли). *Ха* татăк, субъективлă пахалакан аффикссем пекех, йăваш, кăмăллă кала-нине, çывăх çыханăва пёлтерет, çавăнпа ку татăк, хушу форми-чи глаголпа каласан, хушнине мар, йăлăннине пёлтерет. 2) Хушу форми çумне *-ах (-ех)* вайлатакан татăка хушса кала-ни ана хистесе, хытă тархасласа, çине тăрса ыйтнă сём пар-ать...: *Çиех, тăрна тус, сиех! — тесе сёнет, тет, тилё.* 3) Ху-шу форми çумне *-сам (-сем)* татăк хушса каласан, въл хытă

йӱлӱнса каланине пӱлтерет...: *Кирук ҫинчен тӱрӱссине пӱлтерсем, мучи...* (А. Кӱлк.). Йӱлӱнса ыйтнине тата ытларах ҫемҫетес тесе *-сам (-сем)* ҫумне *-чӱ* хушса калаҫҫӱ: *Мана ҫӱр каҫма хваттере ярсамӱрчӱ. Айӱп ан тӱвӱрсамӱрчӱ эсир пире...* (Хал. сӱм.). Йӱлӱннине вӱйлатма *-ах (-ех)* татӱк та хушса калаҫҫӱ: *Ах, кӱрӱ, каҫарсамах* (П.Осип.). 4) Тилмӱрсе, чунтан йӱлӱннине пӱлтерме *-сам (-сем)* татӱкпа пӱрле *-и (-а, -е)* татӱк хушса калаҫҫӱ: *Пиллӱрсем-и, атте, пиллӱр, анне!* (Хал. сӱм.). *Ыр вут ама, вут амӱш, ху вутна ху чарсам-и!* (Н. Шел.). 5) Йӱлӱнса ыйтас пулсан, *тархасӱн, тур пул сӱмахсем* хушса калаҫҫӱ: *Тархасӱн ярӱр мана... Турӱ пулӱр, итлӱр ӱнтӱ* (Андреев, 1964, 86).

«Междометисем» уйрӱмӱн «Хушу-хистев междометийӱсем» параграфӱнче «чӱннине, йӱхӱрнине кӱтартакан» междометисен шутне *кук! нимене! апата! катарччие! туя!.. Апата кук! Килӱр! Нимене кук!* (Андреев, 1964, 148) кӱнине пӱлетпӱр. Чӱлхеҫӱ нисеп лексикине кӱрекен «Пурнӱҫра курнӱҫнӱ е уйрӱлса кайнӱ чух калакан междомети сӱмахсен» ушкӱнӱсене палӱртать: *«курнӱҫнӱ чух, тӱл пулсан: салам, саламалик, ырӱ кун, ман (пирӱн) килес, килех; уйрӱлса е тухса кайнӱ чух: сыв пул, ырӱ каҫ пултӱр, чипер юлӱр, чипер кайӱр, тепре куриччен; пулӱшу кӱтартнӱшӱн, ырӱ кӱмӱл тунӱшӱн: тавтапус, ырӱ кур, саҫҫипӱ, рехмет, тавӱсси, тавӱсие, сывлӱха; кама та пулин кӱрентерсен, чӱрмантарсан: каҫар, ан айӱпла, айӱплӱ, ан айӱплӱрчӱ»*. Акӱ К. Ивановӱн «Нарспи» поэминчен илнӱ тӱслӱхсем: *Сывӱ пул эппин, Нарспи. Сывӱ пулах, сывӱ пул!* (...) *«Чипер кайӱр!» — тиет те пуҫне таять, ҫул парса. Пӱрер ватти тӱл пулсан: Тавси, тавси! кӱшкӱреть.*

— *Салам, Иван Ивановч...* — *Тавтапус, Варук инке, лартса килнӱшӱн* (А. Арт.)... — *Ырӱ кун пултӱр! — терӱ* (Андреев, 1964, 148—149).

«Междометисемпе усӱ курасси» параграфра автор «междометисемпе вӱсен чӱлхери несӱлне пӱхса стиль енӱпе усӱ курасси», ҫыравҫӱсем «междометисемпе персонажсен чӱлхине хӱйне евӱрлӱ тӱвас шутпа тӱрлӱ майлӱ усӱ курни» (Андреев, 1964, 149) ҫинчен ҫырать, А. Артемьевӱн «Улма йӱвӱҫ авӱнатъ» романӱнчи тӱслӱхсемпе палаштарать. Романри «Шалтайкин, пит ҫепӱс кӱмӱллӱ ҫын... Ҫынна кун каҫа темиҫе курсан, кашнинчех *здрасте!* тет, унтан уйрӱлса каймассеренех сыв пуллашать, час-часах каҫару ыйтать. Шалтайкинӱн хӱй

майла еврелехе вал сынсемпе калашна чух мёнле самахсемпе, уйрамах этикет самахёсемпе усă курнинчен куранать:

— *Здрасте!.. Кам-ке? А-а, Саланов юлташ-иç... Тёттёмленчĕ те — тўрех палласа илеймерĕм, ан айăп тăвăр, здрасте, — терĕ вăл, Çемене алă парса.*

Сыннан калашвне урăх междометисемпе е междомети самахсемпе те хайне еврелĕ палăртма пулать... Тепĕр çĕрти чăвашсен чĕлхишĕн *рахмат* е *рехмет* междомети самах характерлă, ёлĕкхи калашура *аликкăм салам* е *саламалик* тесе каланă. Ку *рахмат, аликкăм салам* самахсем стиле авалхи сĕм кĕртеççĕ. *Саламалик, тав сие! Тайма пуçăм, тав сана!* (Хал. сăм.)» (Андреев, 1964, 150—151).

«Калуллă, ыйгуллă, хистевлĕ тата кăшкăруллă предложенисен синонимики» уйрамри «Хистевлĕ предложенисем» параграфра сăпайлăха, кăмăл-сипете палăртма усă куракан предложенисене куратпăр: «— *Килех, атте, ирт кунталла, — тараватлăн хушса хурать Ухвине... Эпĕ тата пĕр-икĕ самах калам-ха сана, эсĕ уншăн ан çилленчĕ мана... Кил-ха, Энтрей Иванч, ларсам сĕтел патнерех. Тăхлачă, сиксем кунтарах* (П.Осип.)» (Андреев, 1966, 24).

«Тулли предложенисемпе тулли мар предложенисен синонимики» уйрамри «Тулли мар предложенисен стильри пĕлтерĕшĕ» параграфра «тулли мар предложенисем пуринчен ытла калашу пуплевĕнче» тĕл пулнине, «вăл диалогла калашу уйрамлăхĕнчен» килнине (Андреев, 1966, 35) пĕлетпĕр. Наум Урхи шухăшĕпе, «тулли мар предложенисем кĕске пирки тата вĕсене интонаципе ритмика енчен татăкăн-татăкăн каламаллине пула, калашу лайăх сыхăнуллă йĕркеленсе пырать, вăл тимлĕ, чĕрĕ пулать.

Тулли мар предложенисем драма произведенийĕсенче нумай. Акă П. Осиповăн «Кушар» пьесинчи калашу сыпăкĕ:

Артеми амăшĕ. *Ёçсем ёнтĕ, тăхлачă.*

Арăмĕ. *Ёçместĕп, кирлĕ мар!*

Кўршĕ. *Ёçсем! Хе-хе-хе!*

Арăмĕ. *Кирлĕ мар!»* (Андреев, 1966, 35).

Çапла вара, Н.А.Андреевăн «Чăваш чĕлхин стилистики» ёçĕнче чăваш чĕлхин нисеп лексикипе сыханна нумай ыйтăва сўтатса панă чух пулăшма пултаракан самантсем йышлă пулнине куратпăр. Вăл ятарласа пуплев этикетне тĕпчесе ёçлемен пулин те, çак темăпа кăсăкланакансем валли анлă материал

хаварнă. Унăн асаннă ёсё пуплев нисепён единицисене стиль телёшёнчен терёс хаклама, пуплевре вырăнлă усă курма пулăшу кўрекен материалпа пуян.

Усă курнă литература

Андреев, 1958 — Чăваш чёлхин стилистики. I пайё. Шупашкар: Чăваш кёнеке изд-ви, 1958.

Андреев, 1964 — Чăваш чёлхин стилистики. II пайё. Морфологи. Шупашкар: Чăваш кёнеке изд-ви, 1964.

Андреев, 1966 — Чăваш чёлхин стилистики. III пайё. Синтаксис. Шупашкар: Чăваш кёнеке изд-ви, 1966.

Горшков, 1997 — Горшков А.Е. Чăваш чёлхи: Лексика, фразеологи, пуплев культури: Вёренў пособийё. Шупашкар: Чăваш кёнеке изд-ви, 1997.

Егоров, 2000 — Егоров Н.И. профессор иртгернё специализаци занятийёсен материалё.

Тăрмăш, 2000 — 2001 — Кузнецов А.В. Тăвай районёнчи Тăрмăш ялёнче 2000, 2001 сулсенче пухнă материал.

В региональной топонимике важное значение имеет изучение географических названий иноязычного происхождения. Из всех топонимических групп самыми трудными для выяснения этимологий оказываются названия рек. Они меньше подвержены эрозии времени, нередко имеют большой возраст, а потому и нелегко восстановить их первичную форму и содержание. Эти особенности гидронимии делают ее исключительно интересной для историка, лингвиста и географа, поскольку позволяют заглянуть в то далекое прошлое, о котором письменные источники молчат.

А.А.Сосаева (1997, 147) всю топонимию, встречающуюся на территории Чувашской Республики, делит на следующие пласты: индоиранский, финно-угорский, болгаро-чувашский, татаро-кыпчакский и русский.

Самым древним в историческом отношении является первый пласт. Изучив лексику чувашского языка, В.Г.Егоров (1971, 12) указывает, что некоторые топонимы не тюркского и не финно-угорского происхождения, а достались чувашам от восточных финнов, которые унаследовали их от жителей абашевской или другой древней культуры.

Н.А.Андреев (1980, 22–48) впервые рассматривает ирано-чувашские этнические и культурные связи по данным ономастики. Он приводит топонимические параллели ираноязычной

территории Средней Азии и Чувашского Поволжья, указывает лексические источники чувашского ономастикона иранского происхождения. По его мнению (Там же, 33), существуют такие сходные гидронимы, как *Зеравшан* (река в Средней Азии) и *Ҷаръмсан* (левый приток Волги), *Сыр, Сыр-Дарья* и *Сър, Сърă* (правый приток Волги). К этим же параллелям он относит и название древнего ираноязычного народа и государства Средней Азии *Сог* и название реки *Сакът*.

Н.А.Андреев считает, что эти топонимы составляют один из древнейших пластов общеиранской и чувашской топонимии среднеазиатского и поволжского регионов. Далее он приводит сравнения топонимов азиатского ареала, связанных с исторической жизнью предков чувашей в период пребывания их в Азии: например, *Цоовал* — название реки в Восточном Туркестане // *Ҷавал* — чувашское название реки Цивия. По мнению ученого (Там же, 46—47), эти тождественные названия не случайны. Он полагает, что основных причин тождественности две: передвижения (миграции) населения и параллельное возникновение в одинаковых условиях.

Б.А.Серебренников (1957, 28—47) рассматривает топонимию Чувашии для освещения вопросов истории чувашского народа. Он считает, что к наиболее древнему топонимическому слою в Чувашии относятся топонимические названия, содержащие речные суффиксы *-ма, -га, -ша*. Этот топонимический слой, по его мнению, представлен такими названиями, как *Шатьма, Татьма, Чешлама, Тюрлема, Юнга, Унга, Бичурга, Кучелга, Рыкша, Киша, Шемурша* и т. д. Поскольку с такими речными суффиксами топонимы обнаруживаются на территории Севера, Архангельской, Вологодской, Ярославской, Костромской и Кировской областей, Мордовской, Марийской и Чувашской республик, Б.А.Серебренников считает, что древнейшее население этого региона говорило на каких-то весьма близких языках. Ученый называет эту топонимию условно «волго-окской топонимикой», хотя многие археологи и языковеды предполагают, что создатели данной топонимии говорили на каких-то финно-угорских языках.

Изучая историческое прошлое марийского народа, Ф.И.Гордеев (1967, 186) пишет, что в конце первой половины 2 тысячелетия до н. э. в правобережные районы Марийского Поволжья пришли новые кочевники — абашевцы, которые

вытеснили балановские племена в бассейн реки Суры и Вятско-Ветлужское междуречье. Он допускает, что абашевцы были иранскими племенами. На это указывают, по его мнению, названия металлов, распространенные в восточно-финно-угорских языках. В последних слова, обозначающие металлы, в обработке которых, по данным археологов, абашевцы достигли большого совершенства, имеют обычно иранское происхождение. Ф.И.Гордеев также отмечает, что топонимы на *-га* свидетельствуют о пребывании на территории Марийской Республики иранских племен. Например, *Кокшага* (*Кокшан*) — приток Волги в Марийской республике. Ср. др.-ир. **huška* «сухой», авест. *huška*, осет. *hušk*, сак. *huška*. Наличие компонентов *-ан* (*Кокшан*) и *-га* (*Кокшага*) в названиях одной и той же реки, по мнению ученого (Там же, 188), отражает следы параллельного употребления суффиксов имени прилагательного в иранских языках, но самостоятельными и поздними по образованию являются марийские топонимы с элементом *кукшо* «сухой» (*Кукшенер*).

И.С.Галкин в своей книге «Кто и почему так назвал» (1991, 13) убедительно доказывает, что речные суффиксы *-са*, *-ша*, *-за*, *-жа* возникли из одного источника, когда-то представлявшего знаменательное слово со значением «проточная вода, река, ручей», и являются лишь диалектными фонетическими вариантами древнего финно-угорского языка. Значит, гидронимы на *-са*, *-ша*, *-за*, *-жа* более позднего происхождения.

Известный археолог В.В.Седов (1970, 6) полагает, что совпадение археологических и гидронимических ареалов является необходимым условием для всякого этнического вывода. Так, им (1974, 20—33) сопоставляются ареалы гидронимов и археологических культур Центра Европейской части бывшего СССР.

В Среднем Поднепровье иранский гидронимический пласт изучался М.Фасмером, В.Н.Топоровым, О.Н.Трубачевым и др. Иранскую гидронимию в бассейнах Днепра, Днестра и Южного Буга рассматривал В.Э.Орел.

Далее остановимся на данных археологии Чувашии.

В первой половине 2 тысячелетия до н. э. в лесное пространство Верхней Волги и Оки вторглись кочевые скотоводческие племена — фатьяновцы (Каховский, 1965, 80), к

которым ученые также относят и балановцев. В Чувашском Поволжье фатьяновские могильники распространены в его северной части, по правобережью Волги. Как известно, балановцы относились к индоевропейской языковой семье. В 1600-х годах до н. э. лесостепную полосу Среднего Поволжья заняли племена срубной культуры, продвигаясь на Север из Нижнего Поволжья. Срубники были европеоидами и, вероятно, относились к ираноязычным племенам (История ЧАССР, 1983, 17). В середине 2 тысячелетия до н. э. на лесное правобережье Волги с Юга проникли племена абашевской культуры. Ученые полагают, что абашевские племена также говорили на языке индоевропейской семьи (Там же, 20 – 21).

По мнению В.Ф.Каховского (1965, 102), наследием древнейшего индоевропейского диалекта абашевских племен в чувашском языке являются элементы, отсутствующие в тюркских и финно-угорских языках, на что впервые обратил внимание Н.И.Ашмарин еще в своей ранней работе «Материалы для исследования чувашского языка. Часть 1» (Казань, 1898). В.Ф.Каховский (Указ. раб., 102 – 103) предполагает, что топонимические названия с речными суффиксами *-ма*, *-га*, *-ша* сложились в эпоху бронзы. Область распространения данной группы топонимических названий совпадает с территорией абашевской культуры и, по-видимому, они принадлежали племенам – носителям этой культуры.

Следовательно, исходя из данных археологии, в индоиранском гидронимическом пласте Чувашии можем выделить 3 хронологических слоя:

- 1) слой фатьяновский культуры (первая половина 2 тысячелетия до н. э.);
- 2) слой срубной культуры (вторая половина 2 тысячелетия до н. э.);
- 3) слой абашевской культуры (конец 2 тысячелетия до н. э. и начало 1 тысячелетия до н. э.).

Нижеприведенные названия некоторых рек, встречающихся на территории Чувашии, как нам представляется, объяснимы с помощью индоевропейских языков.

Парат — др.-иран. *porata* «большая река», осет. *ford* «большая река».

Сакът — др.-иран. *soḡ* «чистый, святой».

Сър, Суръм — и.-европ. **ser* «течь, струиться», др.-инд.

sarati «течет, струится», *ksaram* «вода».

Сёве, Савал — иран. *sava* «черный», др.-инд. *suava* «черно-бурый, смуглый».

Сёнтьёр — перс. *sāng-gari* «каменистость», *sāng-gar* «каменистый».

Нар — и.-европ. *nar* «вода».

Хум — и.-европ. *ket* «река», др.-инд. *kat* «вода».

Ункă — и.-европ. *ueng* «изогнутый, кривой».

А.А.Сосаева (Указ. раб., 147—148) считает, что в чувашском языке, в том числе и в ойконимии, отложился довольно мощный пласт лексики ираноязычного происхождения, их этимология раскрывается при помощи персидских или арабских слов. Индоиранский пласт она фиксирует в отантропонимных ойконимах. В качестве примеров исследователь приводит такие названия, как *Асамат, Самушкă, Чартак* и др. По нашему мнению, отантропонимные гидронимы, в отличие от подобных ойконимов, более позднего происхождения и требуют отдельного изучения.

Рассматривая названия некоторых крупных рек Европы индоевропейского происхождения, Р.А.Агеева (1985, 79) приходит к выводу, что древнеевропейской гидронимии присущи некоторые общие характерные черты, например, наличие корней со значениями «вода», «источник», «течь, нестись потоком», также с обозначениями цвета «блестящий», «белый» и т. п. То же самое можно сказать и о чувашских гидронимах, приведенных выше.

Формирование чувашского языка было длительным процессом и, бесспорно, не сопровождалось только переименованием гидронимов. Через финно-угров иранские названия водных объектов достались чувашам. И лишь позднее, когда сложились основы чувашской языковой системы и выработалась собственно чувашская гидронимия, в процессе освоения новых территорий чуваша стали давать рекам и озерам чувашские наименования.

Хочется верить, что поиск иранских гидронимов на территории Чувашии еще далек от завершения, а их список остается открытым.

Л и т е р а т у р а

Агеева Р.А. Происхождение имен рек и озер. М., 1985. 144 с.

Андреев Н.А. Ирано-чувашские этнические и культурные связи по данным ономастики //Труды ЧНИИ. Вып. 98. Чебоксары, 1980. С. 22—48.

Егоров В.Г. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. Чебоксары, 1971. 202 с.

Галкин И.С. Кто и почему так назвал. Рассказы о географических названиях Марийского края. Йошкар-Ола, 1991. 160 с.

Гордеев Ф.И. Балтийские и иранские заимствования в марийском языке //Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967. С.180—203.

История Чувашской АССР. Т. 1. Чебоксары, 1983. 288 с.

Каховский В.Ф. Происхождение чувашского народа (Основные этапы этнической истории). Чебоксары, 1965. 484 с.

Орел В.Э. К вопросу о реликтах иранской гидронимии в бассейнах Днепра, Днестра и Южного Буга //Вопросы языкознания, 1986. № 5. С. 107—113.

Сегов В.В. Гидронимические пласты и археологические культуры Центра //Топонимия Центральной России. М., 1974. С. 20—33.

Сегов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970.

Серебренников Б.А. Происхождение чуваш по данным языка //О происхождении чувашского народа. Чебоксары, 1957. С. 28—47.

Сосаева А.А. Хронологические пласты топонимии Чувашии //Материалы по чувашской диалектологии. Сб. статей. Вып. 5. Чебоксары, 1997. С. 146—157.

Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962. 268 с.

Трубачев О.Н. Названия рек правобережной Украины. М., 1968. 289 с.

В порывах радостно-могучих
Рвался в леса я и поля,
И новая средь слез горячих
Мне открывалась земля.

(Перевод А.Фета)

Я убегал на луговой откос,
Такая грусть меня обуревала!
Я плакал, упиваясь счастьем слез,
И мир во мне рождался небывалый.

(Перевод Б.Пастернака)

Именно эти строки гётевского «Фауста» приводит Освальд Шпенглер для иллюстрации фаустовской душевной стихии, которую он сам связывает с одиночеством, монологичностью бытия, пробуждением внутренней жизни, пафосом расстояния, чувством покинутости, склонностью к бесконечному, метафизической страстью к безграничному, желанием быть воедино с бесконечным пространством, преодолением сопротивления среды и т.д.¹ «Лес, томление, загадочное сострадание, неизреченное одиночество — все это фаустовское, — считает немецкий философ и историк. — Всякому это знакомо. (...) Это переживание мира совершенно незнакомо аполлоновскому и магическому человеку, ни Гомеру, ни св. Иоанну»².

Знакомо ли это чувство нам, чувашам?..

Темле пѣлми хават туртатчѣ сав мана,
Хире, сѣм вѣрманна чун кантарма каяттѣм,
Хѣрѹ куссуль сине-сине тумлатчѣ,
Ман чунѣмра вѣр-сѣн тѣнче пулса тѣратчѣ³.

Перевод Наумом Урхи четырех строк «Фауста», передающих, по О.Шпенглеру, душу западного человека, я бы обозначил как приблизительно художественный, когда переводчик лишь смутно представляет чувство, которое хочет выразить. «Не зная в подлиннике всего Гёте, невозможно не только перевести, но и просто понять «Фауста», — говорил Н.Урхи Г.Волкову. — Однако я не думаю, что можно знать всего Гёте, если даже прожить больше него, ибо Гёте — это целый мир»⁴.

Гёте не просто мир, а органичная часть немецкого мира. «Когда мне было восемнадцать лет, Германии было тоже только восемнадцать», — так Гёте выразил счастье своего существования⁵.

Тайна Гёте — это тайна немецкого народа, немецкой судьбы... И переводить «Фауста» следует учитывая прежде всего этот момент. «В чистом поле, на восходе солнца, я молю Бога», — говорит моя мать. «Приезжаю в деревню, выхожу один в поле. Ничего мне больше не надо. Тут есть все — есть молчание. Я вступаю в какую-то интимную близость с природой», — признается Петр Эйзин.

«ПОЛЕ (как инвариант — «поляна») и ЛЕС являются после СНА следующими главными инвариантами поэзии Айги, — замечает Джованна Пагани-Чеза в «Заметках по исследованию чувашского мира в поэзии Геннадия Айги». — Как символические образы, они строятся на архетипах чувашской мифологии»⁶.

Прокрутив в памяти картины многих чувашских художников (Ю.Зайцев, А.Митгов, Г.Исаев, Н.Енилин, К.Владимиров, Г.Фомиряков, В.Енилин, В.Мытников и др.), выражающих метафизику чувашского пространства, решил, что формула Шпенглера («чистое пространство — прасимвол фаустовской души») верна и по отношению к чувашскому народу. Фаустовское напряжение пространства пронизывает и наши совместные с режиссером В.Карсаковым работы (фильмы «Иван Юркин», «Елена», «Благословение», «Царица-хмель», «Народ в серебряном одеянии», «Ыталарё мана шилтаман», «Священная война»). Зороастрийские мотивы, возникающие у ряда исследователей чувашской культуры (А.А.Трофимов, В.А.Прохорова, А.В.Изоркин, И.А.Дмитриев,

Г.П.Егоров...) также звучат по-фаустовски.

«В русской науке еще в середине XIX в. было высказано мнение, что вероисповедание чувашей-язычников представляет собой одну из разновидностей зороастризма, — пишет А.А.Трофимов в книге «Чувашская народная культовая скульптура». — Отечественные исследователи сделали тем самым уверенный шаг в познании культуры народа.

Однако эта благодатная и многообещающая гипотеза забылась, к сожалению. И уже на другой почве она вновь, совершенно самостоятельно, возникла спустя 150 лет, т.е. в наши дни»⁷.

Старая чувашская вера требует особенного напряжения духовных сил. Эту сторону национального мироощущения нельзя не почувствовать в народных песнях, отмеченных сакральностью, т.е. причастностью высшим ценностям, идее бога. «В мелодии чувашской песни «Алран кайми» слышится голос вечности», — писал Г.Н.Волков в «Этнопедагогике»⁸. Данную оценку можно распространить и на некоторые другие торжественные песни, например: «*Уй варринче лаштра юман*», «*Вёс, вёс, куккук*», «*Џалтӑр витӑр*». М.Г.Кондратьев отмечает, что «народная музыка представляет собой глубокий и правдивый музыкальный «автопортрет» народа, его характера, психологии, способностей, взглядов на мир»⁹. Какой же предстает картина чувашской души? Посреди пустого поля одинокий дуб (липа, береза), а перед ним одинокий человек. Подчеркивается выделенность его из природы, деревья не отвечают (не открываются ему), не близки ему (не отец, не мать, не возлюбленная). Судьба чуваша в этих песнях — судьба брошенного в мир человека. «Заброшенность предполагает, что мы сами выбираем наше бытие, — отмечает Жан-Поль Сартр в книге «Экзистенциализм — это гуманизм» (1946). — «Заброшенность приходит вместе с тревогой»¹⁰.

Самочувствие лирического героя песен — это не ужас и одиночество ребенка, вырванного из тепла родительского дома в беспощадный и непонятный мир, не драматическое чувство затерянности в хаосе, а продвижение по пути осознания своей миссии. Он — не просто дитя природы, а ее особая, одухотворенная, призванная к совершенствованию часть и уже потому не могущая удовлетвориться сущим, подобно растению или животному. Не случайно народная инту-

иция в песне «Вёс, вёс, куккук» вещей птице кукушке и божьей пташке соловью, преодолевающим какое-то безбрежное пространство (возможно, океан), вырисовывающееся из семантического смысла мелодического рисунка, — отводит место на краю леса. Край, граница, обочина... — таково символическое выражение внутреннего бытия чувашского народа. Следует отдать должное интуиции «безумного» Н.Я.Марра. Чувашский язык он сравнивает с мостом: «Чувашский язык перебрасывает мост от яфетидов с одной стороны к угро-финнам; с другой — к туркам».

Л и т е р а т у р а

- ¹ Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Образ и действительность. Минск, 1998.
- ² Там же. С. 276.
- ³ Гёте И.В. Фауст: Трагеди. Шупашкар, 1979. 54 с.
- ⁴ Волков Г.Н. Педагогика пережитого. Чебоксары, 1989. С. 246.
- ⁵ Цит. по: Шпенглер О. Закат Европы. С. 301.
- ⁶ ЛИК Чувашии, 1997. № 2. С. 114.
- ⁷ Трофимов А.А. Чувашская народная культовая скульптура. Чебоксары, 1993. С. 12.
- ⁸ Волков Г.Н. Этнопедагогика. Чебоксары, 1974. С. 326.
- ⁹ Культура чувашского края. Часть 1. Учебное пособие. Чебоксары, 1994. С. 230.
- ¹⁰ Сумерки богов. М., 1989. С. 331.

В фондах архива ЧГИГН по отделу языкознания хранятся около 1000 единиц: рукописи, документы, материалы по диалектологии и т.д. Среди них скромное место занимают (всего 20 единиц) рукописи известного чувашского филолога Наума Андреевича Андреева (Урхи): по стилистике, лексикологии, терминологии, грамматике, сравнительно-сопоставительному изучению языков. Большая часть из этих рукописей опубликована.

IV (отдел) — 425(ед.хр.) 143 рук. стр. «Заметки по стилистической лексике»(1950—1954) легли в основу монографии «Чăваш чĕлхин стилистики» (1958, 1964, 1966.)

IV — 426. 83 рук. стр. «Записки по развитию лексики» и IV — 157. 112 рук. стр. «Лексикология чувашского языка». Эти записки использованы в книге «Чăваш чĕлхин лексикологийĕ». Шупашкар, 1961.

IV — 114. 32 рук. стр. «Вопросы чувашской терминологии». Статья напечатана в Ученых записках ЧНИИ. Чебоксары, 1955. Вып. 12.

IV — 554. 92 рук. стр. «Выписки из разных исторических и лингвистических трудов, сделанных для использования при составлении статьи «Иранско-чувашские этнокультурные и языковые параллели» (1973—1975). Опубликовано в сборнике «Чувашский язык и литература». Чебоксары, 1975. Труды ЧНИИ. Вып. 59.

IV — 367, 368. 483 маш. стр. «Аффиксы чу-

вашского языка» // Ученые записки. Чебоксары, 1952. Вып. 6.

IV — 552. 91 рук. стр. «Таблицы словообразования и словоизменения в чувашском языке». Исследования именных частей чувашского языка вошли в сборник «Материалы по грамматике современного чувашского языка». Чебоксары, 1957.

Есть еще рукописи, которые не увидели свет, но представляют немалый интерес для ученых.

IV — 433. 285 маш. стр. «Материалы по чувашской исторической лексикологии». Н.А. Баскаков предложил ему озаглавить этот труд «Этнографическая лексика чувашского языка». 1974. Работа (монография) состоит из 20 отдельных частей. Тематика группируется в три раздела: 1. Естественно-природные явления, включая части тела. 2. Производственно-бытовая сфера и домашняя утварь. 3. Социально-политическая и религиозно-мифологическая сфера. Для анализа и историко-сопоставительного освещения был собран и систематизирован большой фактический материал: названия предметов и понятий. Описаны термины, некоторым Н.А. Андреев попытался дать этимологию. Некоторая часть из этой работы включена в статью «Иранско-чувашские этнические и культурные связи по данным ономастики» // Исследования по этимологии и фразеологии чувашского языка. Чебоксары, 1980.

IV — 552. 28 маш. стр. «Материалы по морфологии», 1958. Исследуя историческое развитие форм чувашского глагола, Н.А. Андреев приходит к выводу, что наиболее ранней формой глагола является повелительное наклонение.

IV — 551. 27 маш. стр. «Фонетические и морфологические сходства в персидском и чувашском языках». 1978. Это — продолжение статьи «Иранско-чувашские этнокультурные и языковые параллели». Рассмотрев кратко фонетический и морфологический уровни современного персидского и чувашского языков, он делает вывод: в фонетике и морфологии этих языков, наряду с большими расхождениями, имеются некоторые сходства и всему этому причина — культурное влияние.

IV — 397. 90 рук. стр. «Выписки сходных с чувашскими слов из разных национальных словарей» (1948—1975). Сравнивает сходные с чувашскими слова в бесермянском, ой-

ротском, китайском, уйгурском, мокшанском и караимском языках.

IV — 398. 92 рук. стр. «Некоторые сравнения фонетических моментов чувашского, греческого, санскритского и латинского языков» (1949—1950). Наброски на тетрадных листках. Например: *хътё* (чув.) < *Hüt* (нем.) — *защита*, *сӑра* (чув.) < *sūra* (скр.) — *пиво* и др.

IV — 553. 92 рук. стр. «Выписки из разных трудов исторических и лингвистических» (1946—1975). Это выписки из разных источников: Сирийские источники (год не указан); Веселовский, «Несколько новых соображений по поводу пересмотра вопроса о гуннах» // Народное образование, 1882; «Выписка из стенограммы лекции Смирнова», 1955; «Полное собрание летописей», 1024 г., и др., касающиеся истории возникновения хазар, гуннов, чувашей.

IV — 556. 95 рук. стр. «Словарь по животноводству» (1932—1937). Даются основные термины по животноводству того времени от «А» до «Я» на чувашском языке. Напр.: *Амурская лошадь* — *амур лаши*. *Полусальный откорм* — *какайпа сӱлӑх чӗртни*. *Вакцина* — *вакцинӑ (пӑру шатри шӗвекӗ)*.

IV — 369. 200 маш. стр. «Материалы к сопоставительной фонетике и морфологии чувашского и русского языков», 1948 г.

IV — 550. 140 маш. стр. «Материалы к сравнительной фонетике и морфологии чувашского и русского языков». Дано детальное описание звуков чувашского языка в сравнении со звуками древнерусскими и современного русского языка. Дается общее объяснение произношения звуков. Чувашские слова в тексте даны в орфографии 1938 г. В конце делается вывод, что исследование русского и чувашского языков показывает не только наличие в них общих слов, но и наличие сходств в фонетике и в морфологии. Напр.:

Суф. рус. яз. <i>а-я (ја)</i>	чув. яз.	<i>а-е</i>
<i>рев-а</i>		<i>йӗр-е</i>
<i>юл-а</i>		<i>йынш-а</i>
рус. яз. <i>-ан-ен</i>	чув. яз.	<i>ӑн-ӗн</i>
<i>будь пойм-ан</i>		<i>тышт-ӑн</i>
<i>будь запис-ан</i>		<i>сыр-ӑн</i> и т.д.

IV — 427. 75 рук. стр. «Записки по сравнительному изучению корней чувашских и русских слов». Здесь собраны выписки из трудов Н.И.Ашмарина по чувашскому языку, из газеты «Канаш», журнала «Шурӓмпущ».

IV — 423. 53 рук. стр. «Записки по чувашскому языку».

IV — 424. 35 рук. стр. «Записки о строе языка». Это наброски о глаголах, аффиксах, подражательных словах в чувашском языке.

IV — 399. 7 маш. стр. «Историческая картотека лексики». Список сокращений и источников.

I. Пичетленнĕ тĕпчев ёçĕсем

1936

1. Вырăс чĕлхинчен куçнă паллă ячĕсене тĕрĕс çыраси // Сунтал, 1936. №11. С. 29—30.
2. Чувашская детская литература (историко-литературный обзор) // Детская литература (орган ЦК ВЛКСМ), 1936. №19.

1952

3. Аффиксы чувашского языка // Записки ЧНИИ. Чебоксары, 1952. Вып. 6. С. 166—195.

1953

4. Ядро основного словарного фонда чувашского языка // Записки ЧНИИ. Чебоксары, 1953. Вып. 8. С. 149—167.
5. Чĕлхе уйрăмлăхĕсене шута илмелле // Коммунизм ялавĕ, 1953. 9 декабрь.
6. Идиомăсемпе фразеологи // Тăван Атăл, 1953. №1. С. 132—139.
7. Чăваш чĕлхин стилистики // Тăван Атăл, 1953. №4. С. 140—149.

1954

8. Вырăс инфинитивне чăвашла мĕнле формăпа каласси çинчен // Коммунизм ялавĕ, 1954. 3 март.
9. Литература чĕлхин стилĕсем // Тăван Атăл, 1954. №4. С. 138—147.

1955

10. Чăваш чĕлхи грамматикин хăш-пĕр ыйтăвĕсен тĕлĕшпе пулнă дискусси итогĕсем ҫинчен // Коммунизм ялавĕ, 1955. 8 январь.

11. (С Павловым И.П.) О дискуссии по некоторым вопросам чувашской грамматики // Учен. зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1955. Вып. 12. С. 3—27.

12. О характере заимствований в чувашском языке // Учен. зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1955. Вып. 12. С. 75—107.

13. Чăваш чĕлхине кĕнĕ сăмахсен сăнарĕ // Тăван Атăл, 1955. №4. С. 155—160.

14. Вопросы чувашской терминологии // Учен. зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1955. Вып. 12. С. 108—121.

1956

15. Чувашские порядковые числительные в сравнении с порядковыми числительными болгарских надмогильных надписей // Учен. зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1956. Вып. 14. С. 236—245.

1957

16. Данные языка к вопросу о происхождении чуваш // О происхождении чувашского народа: Сб. ст. ЧНИИ. Чебоксары, 1957. С. 48—70.

17. Чĕлхене илемлĕ те витĕмлĕ тумали хатĕрсемпе мелсем // Чăваш сăввипе чĕлхе стилĕ ҫинчен. ЧНИИ статья пуххи. Шупашкар, 1957. С. 77—118.

18. Имя существительное // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Часть первая. Морфология. Чебоксары, 1957. С. 5—61.

19. Имя прилагательное // Там же: С. 62—106.

20. Имя числительное // Там же: С. 107—123.

21. Местоимение // Там же: С. 124—150.

1958

22. Передача на чувашском языке непереводаемых относительных прилагательных русского языка // Учен. зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1958. Вып. 16. С. 141—157.

23. Чăваш чĕлхин стилистики. 1-мĕш пайĕ: Очерксем.

1960

24. Положение о терминотворчестве и упорядочении чувашской терминологии // Вопросы чувашского языка, литературы и искусств. Сб. ст. ЧНИИ. Чебоксары, 1960. Вып. 28. С. 56—61.

1961

25. Работа над упорядочением чувашской терминологии // Вопросы терминологии (Материалы Всесоюзного терминологического совещания 25—29 мая 1959). М., 1961. С. 140—144.

26. Чăваш чĕлхин лексикологийĕ. Шупашкар, 1961. 159 с.

27. Краткий очерк грамматики чувашского языка // Чувашско-русский словарь. Под ред. М.Я.Сироткина. М., 1961. С. 601—630.

1964

28. Чăваш чĕлхин стилистики. 2-мĕш пайĕ: Морфологи. Шупашкар, 1964. 184 с.

1966

29. Чăваш чĕлхин стилистики. 3-мĕш пайĕ: Синтаксис. Шупашкар, 1966. 178 с.

1971

30. Тăван чĕлхене çине тăрсах вĕренмелле // Чĕлхе культурин ыйтăвĕсем. 1-мĕш кĕнеке. Хаçат-журнал чĕлхи. ЧНИИ статья пуххи. Шупашкар, 1971. С. 147—149.

1973

31. Сăвă мелĕсем // Ялав, 1973. №4. С. 30—31.

1974

32. К вопросу о создании исторической лексикологии // Чувашский язык, литература и фольклор. Сб. ст. ЧНИИ. Чебоксары, 1974. Вып. 3. С. 3—20.

33. Иранско-чувашские этнокультурные и языковые параллели // Чувашский язык и литература. Труды ЧНИИ. Чебоксары, 1975. Вып. 59. С. 91—113.

34. Иранская сословная терминология и отражение ее в чувашской ономастике // Проблемы исторической лексикологии чувашского языка. Труды ЧНИИ. Чебоксары, 1980. Вып. 97. С. 11—18.

35. Иранско-чувашские этнические и культурные связи по данным ономастики // Исследования по этимологии и фразеологии чувашского языка. Сб. ст. ЧНИИ. Чебоксары, 1980. Вып. 98. С. 22—48.

36. Некоторые топонимические параллели Древнего Востока и Чувашского Поволжья // Актуальные вопросы чувашского языка. Тезисы докладов и сообщений на научной сессии, посвященной 100-летию со дня рождения В.Г.Егорова (12—13 февраля 1980). Чебоксары, 1980. С. 26.

II. Словарь тӑвас ёҫ

1. Буквы О, Щ, Э, Ю, Я // Русско-чувашский словарь. Вырӑсла-чӑвашла сӑмах кӑнеки. Ред. Т.М.Матвеев. Чебоксары, 1931. — 359 с.

2. (В соавторстве с О.Андреевым). Терминологический русско-чувашский словарь. Выпуск второй. Сельскохозяйственные термины. Чебоксары, 1933. — 67 с.

3. Термины по естествознанию и географии // Терминологический словарь. Терминологи словарӑ. Утверждено НКП ЧАССР. Чебоксары, 1940. (158 с.). С. 74—112.

4. Буквы А, Б, Л, М, О, П, Р, У, Х, Ц, Ш, Щ, Э, Ю, Я // Русско-чувашский словарь. Вырӑсла-чӑвашла словарь. Под ред. проф. Н.К.Дмитриева. М., 1951. — 895 с.

5. Русско-чувашский словарь общественно-политических терминов. Чебоксары, 1960. — 107 с.

6. Буквы А, Б, Е // Чувашско-русский словарь. Чӑвашла-вырӑсла словарь. Под ред. М.Я.Сироткина. М., 1961. — 630 с.

III. Вѣренту́ тата популярла асла́лах кѣнекисен кушаравѣсем

1. РСФСР җѣр кодекси. Шупашкар, 1923. — 32 с. [Тѣпѣс-тавкоман IV-мѣш сессийѣ 1922 җулта октябрь уйахѣн 30-мѣшѣнче йышанса җирѣплетнѣ].

2. Крубер, Чефранов. Пушламашѣнче вѣренмелли географи. Шупашкар. 1924. — 144 с. [Ред. М.П.Петров].

3. Фламарион К. Астрономи кѣнеки. Шупашкар, 1924. — 135 с.

4. Спиченко Н.П. Җимѣс сачѣ. Сад тавасси, ана пახасси, җимѣссене пуштарса пახса усрасси, япаха кайна садсене юсасси, йываҗсен чирѣсене, сиен тавакансене пѣтересси җинчен. Шупашкар. 1926. — 67 с.

5. Метр виҗисем. Метр виҗисем җинчен анлантарни, виҗисемпе хаксене кушармалли таблицасем. Шупашкар, 1927. — 68 с.

6. Цузмер М.Я. Зоологи. Ватам школта вѣренмелли кѣнеки. 6—7 вѣрену җулѣсем. Шупашкар, 1933. — 204 с.

7. Цузмер М.Я. Зоологи. Тулли мар ватам школан тата ватам школан 6—7 классенче вѣренмелли кѣнеки. Шупашкар, 1937. — 252 с.

8. Җарансемпе кѣту җеремѣсене юсас тѣлѣшпе тумалли ѣҗсем җинчен. Шупашкар, 1933. — 52 с.

9. Беяев М.М. Эволюци вѣрентѣвѣн никѣсѣсем: Ватам школта вѣренмелли кѣнеке. 9-мѣш класра вѣрену җулѣ. Шупашкар, 1934. — 148 с.

10. Барков А.С., Половинкин А.А. Физикалла географи. Ватам школта 5-мѣш класра вѣренмелли кѣнеке. Шупашкар, 1935. — 148 с. [1948 җулта 5-мѣш каларампа тухна].

11. Завадский Б.М. Җѣр җинче пурнаҗ пушланса кайни. Шупашкар, 1936. — 96 с.

12. (Стратеги тата тактика. Парти. Ёҗри стиль.) // Сталин И.В. Ленинизм никѣсѣсем җинчен. 1924 җ. апрелѣн пушламашѣнче Свердлов университетѣнче вулана лекцисем. Шупашкар, 1939. С. 54—78.

13. Кабанов А.Н. Этем анатомийѣн физиологийѣ. Ватам школан 8-мѣш класѣ валли. Шупашкар, 1941. — 164 с. 2-мѣш изд. Шупашкар, 1945 (обл. 1946). — 164 с.

14. Плисецкий В. Этем пулса кайни. Шупашкар, 1948. — 32 с.

IV. Илемлэ кусарусем

1. М.Шолохов. Уснă шерем. Шупашкар, 1935. — 423 с. [Кушаракансем: Алакер В., Ващанкка Н., Иван Мучи, Марковников В., Пиктемир Н., Тукташ И., Урхи Н.].
2. Гриммсем. Бремен музыканчĕсем. Юмах. Кĕçĕн çулхи ачасем валли. Шупашкар, 1937. — 16 с.
3. Гриммсем. Юмахсем. Ачасем валли. Шупашкар, 1937. — 55 с.
4. Гриммсем. Хĕрлĕ çĕлĕк. Юмах. Шкул çулне çитмен ачасем валли. Шупашкар, 1937. — 12 с.
5. (Ыттисемпе пĕрле). Н.Островский. Тăвăлпа çуралнисем. Шупашкар, 1937. — 268 с. [Ред. С.В.Элкер].
6. Р.Роллан. Жан Кристоф. Кĕçĕн тата вăтам çулхи ачасем валли кĕскетсе сырнă. Шупашкар, 1938. — 28 с.
7. (Ыттисемпе пĕрле). Н.Островский. Хурçă мĕнле хĕрнĕ. Шупашкар, 1948. — 400 с. [Ред. Я.Ухсай, М.Романов].
8. Д.Свифт. Лемюзль Гулливер çулçуренисем [Вырăсларан Урхи Наумĕпе Кушма Чулкаш кушарнă]. Шупашкар, 1954. — 368 с.
9. М.Шолохов. Уснă шерем. Тўрлетсе кăларнă издани. Шупашкар, 1959. — 404 с. [Кушаракансем: Н.А.Андреев, Н.Т.Ващанкка, И.С.Тукташ, Уйăп Мишши].
10. Иоганн Гёте (çуралнăранпа 225 çул çитнĕ май). Çутсанталăк // Тăван Атăл, 1974, №8. С. 73—74.
11. И.В.Гёте. Фауст. Трагеди [А.С.Артемьев редакциленĕ]. Шупашкар, 1979. — 256 с.

V. Урăх публикацисем

1. Çаканта-и чăнлăх? Калав // Канаш, 1923. 1 кăрлач.
2. Ликвидация неграмотности среди женщин // Трудовая газета, 1927. 8 марта.
3. (Н.Ващанкапа пĕрле). Санюк юрри-сăввисем. Шупашкар, 1941. 2-мĕш кăларăм. Шупашкар, 1962.
4. Çеçпĕл Мишши çинчен // Ялав, 1949. №11. С. 28—30.
5. Чĕрере ыра туйăм çуралать // Коммунизм ялавĕ, 1963. 13 январь.
6. Хурăнлă çул тăрăхĕнче: Муркаш районĕнчи паллă

вырӑнсем ҫинчен // Коммунизм ялавӑ, 1968. 24 август.

7. *Добрая слава* [К 125-летию со дня рождения чувашского педагога-просветителя И.Я.Яковлева] // Литературная Россия, 1973. 27 апреля.

8. *Ҫеҫпӗл Мишши куҫару комиссинче ёҫлени* // Кӑвар чӑре. *Ҫеҫпӗл Мишши ҫинчен аса илнисем*. Шупашкар, 1979. С. 137—141.

VI. Н.А.Андреева унӑн ёҫсем ҫинчен

1. Петров Н.П. Н.А.Андреев (В связи с 70-летием со дня рождения) // Учен. зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1963. Вып. 22. С. 283—300.

2. Петров Н.П. Ватӑ тӗпчевӗҫ — тӑлмач (Н.А.Андреев) // Ялав, 1966. №12. С. 25.

3. Петров Н.П. Переводчик и исследователь чувашского языка: К 75-летию со дня рождения Н.А.Андреева // Советская Чувашия, 1966. 7 декабря.

4. Юмарт Г.Ф. «Фауст» трагеди чӑвашла // Тӑван Атӑл, 1980. №8. С. 75—78.

5. Федотов М.Р. Неутомимый труженик науки: К 90-летию заслуженного работника культуры Чувашской АССР, филолога Н.А.Андреева // Советская Чувашия, 1981. 2 ноября.

6. Алексеев А.А. Ырми-канми ёҫчен: Н.А.Андреев ҫуралнӑранпа 90 ҫул ҫитнӗ май // Коммунизм ялавӑ, 1981. 22 ноябрь.

7. Павлов И.П. Пархатарлӑ кунҫул (Ӑшӑ сӑмахӑмӑр чӑваш культурипе ӑслӑлӑхӗнче йӑр хӑварса пыракан ҫын Н.А.Андреев ҫинчен) // Тӑван Атӑл, 1981. №12. С. 74.

8. Артемьев Ю. «Фауст» чӑвашла // Ытарайми пурнӑҫ тӗсӗсем (Статьясемпе тӗрленчӗксем). Шупашкар, 1988. С. 66—69.

9. Волков Г.Н. Дело жизни Наума Урхи // Педагогика жизни. Чебоксары, 1989. С. 243—246.

10. Федотов М.Р. Исследователи чувашского языка. Изд. 2-е, дополненное. ЧГУ. Чебоксары, 2000. С. 150—151.

Е.И.Батченко хатӗрленӗ.

Александр Артемьев

Наум Андреева
суралнӳранпа 70 сул тултарнӳ кун
(экспромт)

Паян, суралнӳ кун, сана
 Чун-чӳререн эп саламлатӳп.
 Сак самантра сырнӳ сӳвва
 Тайма пуӳмпала вулатӳп.

Эс ситмӳлте те пултаран.
 Ёсле татах ӳстан, маттуррӳн!
 Ялан чипер, сӳр сул таран,
 Ёххӳм! те ӳсӳрмесӳр пурӳн!

[1961]

Петӳр Хусанкай

Виӳе халал

...

Наум Андреевич Андреева*
70 — Урхине — 70

Чӳваш чӳлхеӳине
 Чӳваш сӳвӳӳинчен.
 Тен, эп те сӳр сине
 Пускалӳп ситмӳлччен.

8. XII. 61 Шупашкар

* «Позмӳсем» кӳнеке сине сырнӳ.

Н.А.Андреева*

Чӑн чӑваш чӗлхипеле
Кармашар-ха сӗллемле!

8.XII.61

Хисеплӗ Наум Андреевич**
— Урхи Наумне —

асӑнмалӑх, Гёте «Фаустне»***
кусарса пӗтермелӑх сывлӑх,
хал-хавал сунса паратӑп.

20.I.62
Шупашкар

* «Высота» кенеке сине сырӑн.

** Хӑй кусарнӑ В.Шекспирӑн «Ромеопа Джульетта» кенеке сине сырӑн.

*** Н.А.Андреев (Урхи) ку вӑхӑтра И.В.Гёте «Фаустне» чӑвашла ку-
сарнӑ.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

- Н.А.Андреев* (Урхи). О себе..... 5
В.Н.Андреева. Воспоминания об отце..... 11

- А.П.Хузангай*. Урхи Наумё как чувашский филолог, лингвист, стилист — автодидакт..... 16
В.А.Андреев. Вклад Н.А.Андреева-Урхи в изучение грамматического строя чувашского языка.....25
Н.И.Егоров. Древнейшие иранские языковые заимствования пратюркской эпохи в чувашском языке как исторический источник.....29
Г.А.Дегтярев. Наум Урхин «Фауст» кусарăвĕ.....45
Г.Н.Волков. Дело жизни Наума Урхи..... 52
А.В.Кузнецов. Н.А.Андреевĕн «Чăваш чĕлхин стилистики» ёсёнчи нисеп (этикет) лексикине тĕпчессипе сыхăннă самантсем.....56
А.С.Иванова. Древний пласт чувашской гидронимии..... 62
Ю.В.Яковлев. Фаустовское начало в чувашской культуре..... 68
Е.И.Батченко. Научное наследие Н.А.Андреева (Урхи) в фондах Научного архива ЧГИГН.....72
Суйласа илнĕ библиографи.....76
Поэзи халалĕсем.....83
Александр Артемьев. Наум Андреева.....83
Петър Хусанкай. Виçĕ халал.....83

Чувашский государственный институт
гуманитарных наук

**Наум Андреевич
Андреев-Урхи**

К 110-летию со дня рождения

Сборник статей

Редактор В.А.Прохорова

Художественный редактор А.А.Трофимов

Технический редактор В.А.Немцова

Корректоры: Г.И.Алимасова, Т.И.Кириллова

Оригинал-макет Н.И.Кореньковой

На четвертой странице обложки: Согдийский буддийский фрагмент рукописи (VIII—X вв. н.э.).

Место хранения: Согдийский фонд центральноазиатского собрания ИВ РАН (С.-Петербург).

Текст

Перевод

1) ... wu	1) ...
2) ... yh β't ZKw sm'γw	2) ... (если) будет, вы
3) pṛṣ'kty ZY pṛṣur'yty
kyZYh	3) внимание и объяснение, которые
4) c'm'k pṛṣ'r ZKw wy-ḡḡ'γ
pṛṣurḡ'skwn	4) мне (мы) излагаете
5) ... yh β't ZKw sm'γw	5) ... (если) будет, вы
6) ... pṛṣu'yty ky	6) ... предсказатели, которые
7) ... u pṛṣuw pṛṣuḡ'skwn	7) ... название (вы) предсказываете
8) ... h β't ZKw sm'γw	8) ... (если) будет, вы
9) ... :ḡnty • ky ...	9) ... который ...
10) ... yḡ...	10) ...

00000

Чувашский государственный институт
гуманитарных наук

Наум Андреевич Андреев-Урхи

К 110-летию со дня рождения

Сборник статей

Редактор В.А.Прохорова

Художественный редактор А.А.Трифимова

Технический редактор В.А.Никонова

Корректоры Г.М.Алимова, Т.М.Аркалова

Формат 60x90 1/16. Гарнитура Baltica.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Ф.-печ.л. 5,5. Уч.-изд.л. 3,94.

Заказ №13. Тираж 100 экз.

Чувашский государственный институт гуманитарных наук
428015, Чебоксары, Московский проспект, 29, корп. 1.
Лиц. № 04143 от 27.02.01

15200

15.00

↑

3. 2000 - 2000
1. 2000 - 2000
2. 2000 - 2000
3. 2000 - 2000
4. 2000 - 2000
5. 2000 - 2000
6. 2000 - 2000
7. 2000 - 2000
8. 2000 - 2000
9. 2000 - 2000
10. 2000 - 2000